

ДИН КУНЦ

СУМЕРКИ

Головокружительная,
галлюциногенная проза...
«Серьезные» писатели,
вам не мешало бы изучить,
как он это делает.

The New York Times
Book Review

The Big Book

Дин Кунц

Сумерки

«Азбука-Аттикус»

1984

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кунц Д. Р.

Сумерки / Д. Р. Кунц — «Азбука-Аттикус», 1984 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-21229-9

Однажды на парковке в небольшом городке Коста-Меса (Южная Калифорния) к Кристине Скавелло и ее шестилетнему сыну Джоуи подошла странного вида женщина. «Я знаю, кто ты», — накинулась она на ребенка. «Он должен умереть», — заявила женщина матери. С этого момента жизнь Кристины оборачивается кошмаром. Кто-то убивает их пса, отрубив ему голову и подбросив к порогу дома, постоянно раздаются телефонные звонки, и знакомый голос повторяет снова и снова, что Джоуи должен умереть. Полиция не в силах ничего сделать, и Кристина обращается к частному детективу. Он-то и выясняет, что тайная церковь Сумерек, объявившая войну Сатане, признала Джоуи явившимся в мир Антихристом, а на ее служителей возложена священная миссия его уничтожить. И они готовы на все, чтобы осуществить задуманное...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-21229-9

© Кунц Д. Р., 1984
© Азбука-Аттикус, 1984

Содержание

Часть первая	6
1	7
2	14
3	18
4	21
5	24
6	29
7	32
8	38
9	41
10	50
11	55
12	58
13	59
14	63
Часть вторая	65
15	66
16	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Дин Кунц

Сумерки

Эта книга посвящается

Джорджу и Джейн Смит, которые занимают особое место в моей жизни,

а еще их милой дочке Диане Саммерс и их котам. Да пребудут с ними счастье и успех, которого они по праву заслуживают (речь о Джордже, Джейн и Диане, а вовсе не о котах). И да повеселятся они от души, распевая на заборе и охотясь на мышей (в смысле коты, а не Джордж, Джейн и Диана)

Часть первая Ведьма

*Мы все, другие детки,
поужинав слегка,
Садимся слушать сказки
в кружок у очага.
Заводит Энни разговор
про ведьму на метле,
Про гоблинов,
которые
хватают
вас
во мгле!*

Джеймс Уиткомб Райли. Сиротка Энни

*...Что-то бормоча, появилась Пыльная Ведьма. Секундой позже,
подняв глаза, Вилли заметил ее.*

*«Живая! – подумал он с ужасом. – Но ведь ее унесло, она упала,
расшиблась, да и – живая! И злая безумно. Господи, до чего же злая и
теперь ищет меня!»*

Рэй Брэдбери. Надвигается беда

1

Все началось не в темную ненастную ночь, а при свете дня.

Ничто не могло насторожить ее, подготовить к тому, что случилось. Да и кому придет в голову ожидать неприятностей в воскресный денек?

Даже для Южной Калифорнии конец февраля выдался на удивление теплым. Небо радовало глаз прозрачной голубизной. Легкий ветерок доносил запах зимних цветов. В такие дни кажется, что всем нам суждено жить вечно.

Кристина Скавелло отправилась за покупками в «Саус-Кост Плазу», торговый центр Коста-Месы. Джоуи она взяла с собой. Ему нравилось это место. Как замороженный, разглядывал он ручей, который с журчанием бежал через крыло огромного здания, вдоль пешеходной дорожки, чтобы превратиться потом в игрушечный водопад. Неменьший интерес вызывали у него сотни деревьев и других растений, пышно зеленевших под крышей центра. А еще он без устали мог наблюдать за сновавшими вокруг людьми. Но больше всего ему нравилась карусель, установленная в центральном дворике. Ради одной поездки Джоуи готов был без жалоб бродить за Кристиной по магазинам, пока та делала покупки.

Замечательный мальш, лучше не придумаешь. Джоуи никогда не хныкал и не жаловался, не устраивал истерик. В дождливый день, запертый в четырех стенах, он развлекал себя, как умел, не проявляя усталости и недовольства и не жалуясь на скуку, как это бывает с другими детьми.

Старичок в теле шестилетнего мальчика, – так иногда думала о нем Кристина. Джоуи случалось ронять на удивление взрослые фразы. Он был не по-детски терпелив и казался мудрее своих лет.

Но порой, когда он принимался допытывать, где его папа и почему он ушел (или просто смотрел на Кристину с немым вопросом в глазах), в нем проступало что-то до того трогательное, беспомощное и ранимое, что ей не оставалось ничего другого, как только покрепче обнять его.

Такие объятия отражали ее любовь к сыну и помогали уклониться от неприятных вопросов. Ну как объяснить шестилетнему ребенку то, что и взрослый не всегда поймет? Хорошо бы отложить эти разговоры до той поры, пока сама Кристина не созреет для доверительной беседы. Ей не хотелось лгать сыну – по крайней мере, не хотелось опускаться до откровенного вранья – или прибегать к жалким эвфемизмам.

И вот опять, по пути в магазин, Джоуи спросил про отца.

– Детка, твой папа не готов был к тому, чтобы позаботиться о нас.

– Он не любил меня, да?

– Ну как он мог тебя не любить, если даже ни разу не видел? Он ушел до того, как ты родился.

– Да ну? – с недоверием спросил мальчик. – Как же я мог родиться, если его не было?

– Это ты узнаешь на занятиях по сексуальному воспитанию, – не сдержала улыбки Кристина.

– А когда это будет?

– Ну, лет через шесть или семь, я так думаю.

– Так долго ждать, – вздохнул Джоуи. – Наверняка он ушел только потому, что я ему не нравился.

– Выбрось эти глупости из головы, – нахмурилась она. – Если кто твоему папе и не нравился, так это я.

– Ты? Ему не понравилась ты?

– Именно так.

Они успели проехать пару кварталов, прежде чем Джоуи заговорил:

– Ну, если уж ты ему не понравилась, значит он полный осел.

И тут же, почувствовав ее нежелание продолжать, быстро сменил тему. Одним словом, маленький мудрый старичок.

На самом деле Джоуи появился на свет в результате страстного романа, который был настолько же безоглядным, насколько и непродолжительным. Настоящая глупость с ее стороны. Вспоминая прошлое, Кристина поверить не могла, до чего же она была наивной... а может, ей просто не терпелось доказать свою независимость и женскую состоятельность. «Интрижка» – так называют подобные связи. Это был первый и последний раз в ее жизни, когда она совершенно потеряла голову. Ради этого мужчины – ради него одного! – она отбросила и здравый смысл, и все свои моральные принципы, отдавшись во власть желаниям плоти. Она ухитрилась убедить себя, что это был Роман с большой буквы. Не просто любовь, а Великая Любовь. Да что там, Любовь с Первого Взгляда. Ну что возьмешь со слабой, беззащитной дурочки? Когда до Кристины дошло, что Чудо-Возлюбленный все это время лгал ей, пользуясь ею в своих интересах, и когда стало ясно, что она связала свою судьбу с человеком, который напрочь был лишен чувства ответственности, ей стало по-настоящему стыдно. Правда, потом она поняла, что в какой-то момент стыд и раскаяние превращаются в свою противоположность и становятся не менее жалкими, чем породивший их грех. А поняв это, она выкинула из головы тот унижительный эпизод, поклявшись раз и навсегда забыть о нем.

Вот только Джоуи продолжал спрашивать, кто его папа, где он сейчас и почему он их бросил. Ну как объяснить шестилетнему ребенку, что виной всему потребности ее тела, предательство собственного сердца и прискорбная способность совершать время от времени глупейшие поступки? Если и существовала такая возможность, Кристина о ней не знала. Оставалось ждать, пока Джоуи не подрастет настолько, чтобы понять простую истину: в жизни взрослых бывают моменты, когда они ведут себя как несмышленные дети. Ну а до тех пор она отделялась уклончивыми ответами, которые не удовлетворяли ни сына, ни ее саму.

Хорошо бы только Джоуи не выглядел таким несчастным, когда спрашивал про отца. При взгляде на его потерянное личико ей хотелось плакать.

Ей не давала покоя та внутренняя уязвимость, которую она ощущала в своем сыне. На самом деле Джоуи никогда не болел – такого здорового ребенка было еще поискать. Но это не мешало Кристине запоем читать статьи о детских болезнях. И ладно бы только про корь, коклюш или полиомиелит: от этих недугов вполне хватало прививок. Куда сильнее беспокоили ее тяжкие, неизлечимые болезни – по большей части редкие, но оттого не менее страшные. Она заучивала первые признаки десятков и десятков экзотических заболеваний и всегда была начеку, внимательно наблюдая за сыном. Джоуи, как и подобает активному ребенку, успел заработать к шести годам свою порцию шишек и синяков. Вид его крови пугал Кристину до слез, даже если это была крохотная капелька из какой-нибудь царапины. Ее забота граничила с одержимостью, но Кристина старалась не переходить эту тонкую грань, поскольку знала, к чему может привести чрезмерная опека со стороны матери.

В тот солнечный февральский день, когда смерть внезапно явила Джоуи свой оскал, она подкралась к нему не в виде вирусов и бактерий, которых так боялась Кристина. Она приняла облик простой старухи с мертвенно-бледным лицом, седыми космами и глазами оттенка грязного льда.

Было пять минут четвертого, когда Кристина и Джоуи вышли из торгового центра через магазин Буллока. Солнце слепило глаза, отражаясь от стекол и хромированных деталей машин, заполнивших всю парковку. Их собственный «понтиак-файерберд» был в паре шагов от дверей – двенадцатый в первом ряду. Им оставалось пройти всего ничего, когда на пути у них возникла старуха.

Она шагнула им навстречу из проема между «пontiаком» и белым фургоном. На первый взгляд в ней не было ничего страшного. Странноватая, но не более того. Густая копна седых волос выглядела так, будто ее встрепало ветром, хотя на улице стоял почти полный штиль. На вид незнакомке было за шестьдесят – возможно, семьдесят с небольшим. Лет на сорок старше Кристины, но кожа лица по-детски гладкая, почти без морщин. И эта неестественная одутловатость, которая бывает после уколов кортизона. Заостренный нос. Рот маленький, с крупными губами. На круглом подбородке ямочка. Из одежды на ней были зеленая юбка, зеленая блузка с длинным рукавом и такие же зеленые туфли. На шее – скромные бирюзовые бусы. Пухлые руки в кольцах. Восемь колец, и все одного оттенка: бирюза, малахит, изумруды. Это изобилие зеленого наводило на мысль об униформе.

При взгляде на Джоуи губы ее растянулись в улыбке.

– Ну и ну, вот это красавчик!

Кристина тоже улыбнулась. Она уже привыкла к тому, что люди на улице осыпают Джоуи комплиментами. Темные волосы, ярко-синие глаза и правильные черты лица и правда делали его на редкость привлекательным.

– Такому только в кино сниматься, – не скупилась на похвалы старуха.

– Спасибо, – смущенно пробормотал Джоуи.

На первый взгляд незнакомка казалась обычной бабушкой, каких много вокруг. Но, приставившись внимательней, Кристина изменила свое мнение. Мягкая юбка старухи не отличалась чистотой, на блузке виднелись два пятна, на плечах белела перхоть. Чулки мешком висели на коленях, а на левом к тому же была затяжка. В правой руке она держала дымящуюся сигарету, сжимая ее желтыми от никотина пальцами. Словом, это была одна из тех старух, у которых детям ни в коем случае нельзя брать конфеты и прочие сладости – не потому, что она способна отравить ребенка, вовсе нет! Просто такие, как она, имеют смутное представление о гигиене. Неухоженная – да, но ничуть не опасная.

Продолжая глазеть на Джоуи и полностью игнорируя Кристину, старуха наклонилась к мальчику:

– Хотелось бы знать, как зовут такого приятного молодого человека.

– Джоуи, – застенчиво ответил тот.

– И сколько же тебе лет, Джоуи?

– Шесть.

– Всего шесть, а уже способен очаровать любую даму!

Джоуи смущенно затоптался на месте. Ему до смерти хотелось поскорее юркнуть в машину, но из вежливости он не сдвинулся с места.

– Ставлю доллар против пончика, что угадаю твой день рождения, – не унималась старуха.

– У меня нет пончика. – Джоуи отнесся к ее словам на полном серьезе и поспешил предупредить, что не сможет расплатиться в случае проигрыша.

– Что за милый мальчуган! – воскликнула старуха. – Но я знаю, *знаю*. Ты родился в канун Рождества.

– А вот и нет, – заявил Джоуи. – Второго февраля.

– Второго февраля? Да будет тебе шутить. – Она погрозила ему желтым от никотина пальцем, по-прежнему не замечая стоящей рядом Кристины. – Как пить дать ты родился двадцать четвертого декабря.

Оставалось лишь гадать, к чему она клонит.

– Мам, скажи ей. Второго февраля. Ну что, доллар мой?

– Нет, детка, она ничего тебе не должна. Это было невзаправдашнее пари.

– Ладно, – вздохнул он, – если бы я проиграл, все равно не смог бы отдать ей пончик. Значит, все по-честному.

Лишь тут незнакомка подняла голову и взглянула на Кристину.

Та было улыбнулась, но улыбка замерла у нее на губах. Старуха смотрела холодно и жестко, почти разгневанно. Ее взгляд не был взглядом доброй бабушки или безобидной попрошайки. В глазах старухи читалась сила, помноженная на стальную решимость. Она тоже больше не улыбалась.

Что все это значит?

Не успела Кристина открыть рот, как старуха заговорила снова.

– Я права, да? Он действительно родился в канун Рождества? – выпалила она с напором и тут же продолжила, не дожидаясь ответа: – Ты лжешь насчет февраля! Вы оба врете, пытаетесь скрыть правду. Но я-то знаю. Меня вам не обмануть.

Внезапно от нее повеяло угрозой.

Сжав Джоуи за плечо, Кристина подтолкнула его к машине, в обход старой карги.

Та мгновенно заступила им путь.

– Я знаю, кто ты такой, – ткнула она в сторону Джоуи сигаретой. – Хочешь верь, хочешь нет, но мне известно, кто ты на самом деле. Уж я-то знаю!

Чокнутая, ужаснулась Кристина. Только этого не хватало. От таких можно ждать чего угодно. Господи, только бы все обошлось!

Джоуи отшатнулся от старухи и крепко схватил мать за руку.

– Прошу вас, дайте нам пройти. – Кристина старалась говорить ровно и спокойно, надеясь избежать открытой стычки.

Старуха не сдвинулась с места. Дрожащей рукой она поднесла к губам сигарету.

Сжимая ладошку сына, Кристина шагнула к машине.

Старуха снова преградила им путь. Она нервно дымила сигаретой, ни на секунду не спуская с Джоуи глаз.

Кристина окинула взглядом парковку. Через два ряда от них пара человек выбирались из машины. В конце их собственного ряда тоже маячили двое парней, но двигались они в противоположную сторону. И никого поблизости, чтобы можно было позвать на помощь.

Отбросив сигарету и жадно глотая воздух, старуха уставилась на них выпученными, будто у жабы, глазами:

– Да-да, я знаю все твои мерзкие, отвратительные тайны, маленький ты хитрец.

У Кристины бешено заколотилось сердце.

– Прочь с дороги, – выпалила она, не пытаясь больше играть в спокойствие.

– Тебе не обмануть меня своим притворством...

Джоуи расплакался.

– И своей липовой миловидностью. Слезы тоже не помогут.

Кристина в третий раз попыталась обойти эту чокнутую – и снова безуспешно.

Лицо старой карги исказилось от злобы.

– Мне прекрасно известно, кто ты такой, маленькое чудовище!

Кристина толкнула ее, и старуха отшатнулась назад.

Не теряя ни секунды, Кристина бросилась к машине. Время замедлилось, будто в ночном кошмаре, когда бежишь и не можешь добраться до цели.

Дверца машины была заперта. У Кристины был пунтик насчет безопасности.

Ну что бы ей хоть раз в жизни проявить беспечность!

Старуха не отставала. Крики ее звенели в ушах у Кристины, но слов она разобрать не могла: те мешались с плачем Джоуи и стуком ее собственного сердца.

– Мам!

Мальчика едва не вырвали из рук у Кристины – старуха, будто когтями, вцепилась в рубашку Джоуи.

– А ну отпусти его! – обрушилась на нее Кристина.

– Признавайся! – орала старуха. – Признавайся, кто ты на самом деле!

Кристина пихнула ее со всей силы, но та вцепилась намертво.

Тогда Кристина ударила. Сначала в плечо, потом ладонью по лицу.

Старуха отшатнулась, и Джоуи рванулся вперед, только рубашка затрещала.

Трясущимися руками Кристина умудрилась вставить ключ в замок. Открыв дверцу, она запахнула Джоуи в машину. Мальчик тут же перебрался на пассажирское сиденье. Кристина быстро села за руль и с невероятным облегчением захлопнула за собой дверцу. Все, спасены!

Рядом с ней, в окне, маячило лицо старухи.

– Послушай меня! – орала та. – Только послушай!

Кристина сунула ключ в замок зажигания, повернула его. Затем нажала на газ. Мотор ожил и заурчал.

Старуха яростно заколотила по крыше машины своим мертвенно-белым кулаком.

Включив задний ход, Кристина стала выбираться из ряда автомобилей. Двигалась она медленно, не желая ушибить старуху. Все, чего ей хотелось, – поскорее сбежать от этой чокнутой.

Но та не сдавалась. Уцепившись за ручку дверцы и прожигая Кристину взглядом, она семенила рядом с машиной.

– Он должен умереть. Должен!

– Мама, не отдавай ей меня! – прорыдал Джоуи.

– Что ты, детка, конечно нет. – Во рту у Кристины до того пересохло, что слова давались с большим трудом.

Мальчик сидел, вжавшись в дверцу. Из глаз его градом катились слезы. Будто замороженный, смотрел он на искаженное ненавистью лицо гарпии, которое маячило в окне напротив.

Продолжая двигаться задом, Кристина слегка ускорила, повернула руль... и едва не врезалась в машину, которая медленно двигалась вдоль их ряда. Водитель просигналил, и она резко ударила по тормозам.

– Он должен умереть! – орала старуха.

Своим бледным кулаком она грохнула по окну. Немного сильнее – и стекло бы разбилось.

Этого не может быть, мелькнула у Кристины мысль. Не может быть, чтобы такое произошло среди бела дня, в тихой и солнечной Коста-Месе.

Старуха снова заколотила по окну кулаком:

– Он должен умереть!

Брызги слюны разлетелись по стеклу.

Кристина наконец-то развернулась и начала двигаться вперед, но старуха не отставала. Кристина прибавила газу. Старуха, будто злой дух, продолжала бежать за машиной. Десять футов, двадцать, тридцать... все быстрее и быстрее. Да человек ли она? Откуда в этом старом теле столько силы и упорства? Она продолжала пялиться в окно, и было в ее глазах столько ярости и злобы, что Кристина испугалась, как бы старая ведьма не вырвала ручку дверцы. Но старуха наконец отстала – с воплем гнева и разочарования.

В конце ряда Кристина свернула направо. По парковке она ехала непозволительно быстро, зато не прошло и минуты, как они выбрались на Бристоль-стрит и устремились на север, подальше от торгового центра.

Джоуи больше не рыдал, хотя слезы так и катились по его лицу.

– Все в порядке, милый. Она нас не догонит.

Выехав на бульвар Макартура, Кристина повернула направо. Следующие три квартала она то и дело поглядывала в зеркало заднего вида, чтобы удостовериться, что их не преследуют. Наконец она притормозила у обочины.

Ее трясло. Оставалось только надеяться, что Джоуи этого не заметит.

– Держи, детка. – Она вытащила из пачки бумажный платок. – Вытри глазки и не забудь высморкаться. Ты же у меня храбрый мальчик, верно?

Джоуи кивнул, сжимая в кулачке платок. Наконец ему удалось успокоиться.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Кристина. – Получше?

– Вроде да.

– Тебе страшно?

– Было страшно.

– А теперь?

Он покачал головой.

– Знаешь, – осторожно начала Кристина, – не стоит обращать внимание на все те гадости, которые она тебе наговорила. На самом деле она не имела ничего такого в виду.

Мальчик озадаченно уставился на мать:

– Зачем же тогда она это говорила?

– Понимаешь, она серьезно больна. Ей трудно справляться с собой.

– Больна? Вроде как гриппом?

– Не совсем. Душевно больна... не в себе.

– Это как, с приветом?

Это словечко он позаимствовал у Вэл Гарднер, партнерши Кристины по бизнесу. Интересно, сколько еще выражений, уже не столь невинных, почерпнул ее сын все в том же источнике?

– Она что, настоящая чокнутая, мам? С приветом?

– Душевнобольная, детка.

Джоуи нахмурился.

– Все равно не очень понятно? – спросила Кристина.

– Нет, – вздохнул Джоуи. – Если она больная, почему не сидит в психушке? И почему она набросилась на меня? Мы же с ней раньше не встречались.

– Понимаешь...

Ну как объяснить ребенку поведение психа? Разве что упростить все до предела. Но лучше так, чем совсем уклониться от ответа.

– Может быть, когда-то у нее тоже был маленький мальчик и она очень-очень любила его. Вот только мальчик этот не был таким добрым и послушным, как ты. Он вырос и стал вести себя очень плохо. Так плохо, что разбил своей матери сердце. От этих переживаний она и заболела.

– И теперь ненавидит всех мальчиков, даже незнакомых? – уточнил Джоуи.

– Похоже, да.

– Потому что они напоминают ей собственного сына?

– Верно.

Джоуи призадумался, а потом кивнул:

– Это я вроде как понимаю.

Улыбнувшись, Кристина взъерошила ему волосы:

– Почему бы нам не заглянуть в «Баскин-Роббинс», не полакомиться мороженым? Если не ошибаюсь, вкус этого месяца – арахисовое масло с шоколадом. Как раз то, что ты любишь.

Джоуи не смог скрыть свое удивление. Кристина тщательно продумывала его меню и не одобряла в нем излишков жира. Так что мороженое было для мальчика редким лакомством. Не желая упускать подвернувшуюся возможность, он тут же спросил:

– А можно мне два рожка? Один – с арахисовым маслом, а другой – с лимонным кремом?

– Целых два рожка?

– Сегодня воскресенье, – напомнил он.

– С каких это пор воскресенье стало национальным праздником? В каждой неделе свое воскресенье. Или я что-то пропустила?

– Все так, но я... у меня... – Он зашевелил губами, будто жуя ириску. – У меня сегодня была душевая травма.

– Душевая травма, ты хотел сказать?

– Ага, она самая.

– Где ты выкопал это словечко? – растерянно уставилась на него Кристина. – Ах да, конечно. Вэл.

Валери Гарднер всегда была склонна к преувеличениям, так что даже ранний подъем мог обернуться для нее душевной травмой. Для Вэла, с ее любовью к театральным эффектам, эти травмы служили источником неиссякаемого вдохновения.

– Ну вот я и подумал: сегодня воскресенье и у меня была эта... душевная травма. А два мороженных – как раз то, что поможет мне восстановиться. Знаешь, вроде компенсации?

– Я знаю одно: на ближайшие десять лет тебе лучше забыть про всякие там душевные травмы.

– Так как насчет мороженого?

Кристина взглянула на его порванную рубашку.

– Ладно, два рожка, – кивнула она.

– Ура! Ну и денек сегодня, да? Настоящая чокнутая и сразу два мороженных!

Кристину всегда поражало, с какой легкостью приходили в себя дети. Вот и для Джоуи встреча со старухой успела превратиться из ужасного переживания в настоящее приключение, которое лишь чуть недотягивало до поездки за мороженым.

– Ты у меня парнишка что надо.

– Ты у меня мама что надо.

Включив радио, он принялся беспечно мурлыкать в такт мелодии.

По пути в «Баскин-Роббинс» Кристина не уставала поглядывать в зеркало заднего вида. Она понимала, что погони нет, и все-таки продолжала следить за дорогой.

2

Накормив Джоуи ужином и слегка перекусив сама, Кристина отправилась к себе в кабинет поработать. Вместе с Вэл Гарднер они держали магазин, который назывался «Обед гурмана». Там продавались изысканные вина, деликатесы со всего мира, высококлассные кухонные приборы и такие редкие в обиходе приспособления, как лапшерезки и кофемашины. Магазин работал уже шестой год и пользовался большой популярностью. Начиная свой бизнес, Кристина и Вэл даже не надеялись на такой доход. Дела шли настолько хорошо, что этим летом они планировали открыть филиал в Ньюпорт-Бич, а где-нибудь через годик еще один – в западной части Лос-Анджелеса. Такой успех не мог не радовать, но работа отнимала все больше и больше времени. Уже не первые выходные Кристина корпела по вечерам над бумагами.

Впрочем, ей и в голову не приходило жаловаться. До открытия «Обеда гурмана» она шесть дней в неделю трудилась официанткой, причем сразу в двух местах. После четырехчасовой смены в скромной закусочной Кристина отправлялась в «Шез Лавель» – относительно дорогой французский ресторан, где еще шесть часов обслуживала столики. Кристина крутилась как могла, стараясь угодить посетителям. Это позволяло ей получать неплохие чаевые в закусочной и более чем щедрые в ресторане. Но несколько лет такой жизни довели ее до полного изнеможения. Работа по шестьдесят часов в неделю, помощники официантов, на которых нельзя было положиться. Они вполне могли заявиться под кайфом, и тогда Кристина вкалывала за себя и за них. Надоедливые до отвращения парни, которые приходили обедать в закусочную и грубо приставали к Кристине. Хуже всего, что она не могла отбрить их раз и навсегда: в интересах дела нужно было отбиваться от них с помощью милых шуточек. Вдобавок она проводила так много времени на ногах, что в свой единственный выходной просто сидела на диване и нянчила свои измученные ножки. Если она что и делала, так это читала воскресные газеты, с особым вниманием просматривая финансовый раздел. Кристина грезилась о том дне, когда сможет открыть собственное дело.

И все же благодаря чаевым и более чем скромному образу жизни – два года она вовсе обходилась без машины – Кристине удалось скопить приличную сумму. Часть ее она потратила на недельный круиз в Мексику на борту роскошного лайнера «Принцесса ацтеков». Ну а большую сумму вложила в тот самый магазин, который они с Вэл открыли на паях. Оба эти события, круиз и магазин, кардинально изменили ее жизнь.

И если работа с бумагами была лучше беготни вокруг столиков, она казалась настоящим раем по сравнению с той парой лет, которая предшествовала ее работе в закусочной и «Шез Лавель». Потерянные Годы. Вот что она думала о том времени, которое осталось далеко в прошлом. Жалкие, унылые, впустую потраченные годы.

По сравнению с тем периодом ее жизни работа с самыми скучными документами казалась настоящим праздником, ни с чем не сопоставимым удовольствием.

Кристина успела просидеть над бумагами больше часа, когда до нее вдруг дошло, что из комнаты Джоуи не доносится ни звука. Ее сын всегда был спокойным ребенком. Он мог часами играть в любимые игры, не отвлекая Кристину от работы. Но стычка с безумной старухой взвинтила ей нервы, так что даже привычная тишина в доме стала казаться странной и злойшей. Если что-то случится с Джоуи...

Положив ручку, она выключила негромко гудящий арифмометр, прислушалась...

Ни звука.

В глубине ее памяти эхом прозвучали слова старухи: «Он должен умереть, он должен умереть...»

Кристина встала, вышла из кабинета и поспешила по коридору к комнате мальчика.

Дверь в спальню Джоуи была открыта, внутри горел свет. Сам он, живой и невредимый, играл на полу с Брэнди – их добродушным и бесконечно терпеливым ретривером.

– Ма, хочешь поиграть с нами в «Звездные Войны»? Я – Хан Соло, а это мой друг вуки Чубакка. Если хочешь, можешь быть принцессой.

Брэнди восседал в центре комнаты, между кроватью и раздвижными дверцами шкафа. На голове у него красовалась бейсболка с надписью «ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЖЕДАЯ». Мохнатые уши забавно свисали по краям кепки. Еще Джоуи обмотал пса патронташем с пластиковыми пулями. Дополняла картину кобура, из которой торчало что-то вроде бластера. Брэнди реагировал на все с добродушием и сопением. Со стороны могло показаться, что он даже улыбается.

– Из него вышел замечательный вуки, – сказала Кристина.

– Ну что, будешь принцессой?

– Простите, капитан, но у меня еще куча работы. Я просто заглянула на минутку, чтобы проверить... все ли в порядке.

– Ну, нас едва не разнес в пыль имперский звездолет, но мы сумели вовремя уйти.

Брэнди фыркнул в знак согласия.

– Не попадись в лапы Дарту Вейдеру, – улыбнулась Кристина.

– Что ты, мы всегда начеку. Мы знаем, он где-то здесь, в этой части галактики.

– Ладно, я загляну к вам попозже.

Не успела она дойти до двери, как сзади раздался голос Джоуи:

– Мам, ты боишься, что к нам заявится та сумасшедшая старуха?

Кристина быстро повернулась к сыну.

– Ну что ты, – бодро сказала она, хотя именно этот страх погнал ее в комнату Джоуи. –

Она даже не знает, кто мы такие и где живем.

Джоуи смотрел на нее в упор своими ярко-синими глазами, и в них читалась тревога.

– Но я же сказал ей, как меня зовут. Помнишь, она спросила и я назвал ей свое имя?

– Только имя, без фамилии.

– Точно? – нахмурился он.

– Ты сказал, что тебя зовут Джоуи.

– Да, правда.

– Не беспокойся, детка, больше ты ее не увидишь. Это просто несчастная старуха, которой...

– А как насчет номеров? Которые на машине?

– В смысле?

– Ну, если она знает наши номера, ей ничего не стоит выследить нас. Так обычно делают в детективных сериалах.

У Кристины неприятно кольнуло в груди, но она тут же нашлась:

– Вряд ли такое возможно. Мне кажется, только полицейские способны найти владельца авто по номерам.

– Ну а вдруг? – с тревогой повторил мальчик.

– Мы так быстро уехали оттуда, Джоуи. Она бы просто не успела запомнить наши номера.

Вдобавок она была не в себе, какие уж тут номера. Не бойся, такого больше не повторится.

Он кивнул, но без особой уверенности:

– Мам, я тут подумал...

– О чем?

– А вдруг эта сумасшедшая... вдруг она ведьма?

Кристина едва не рассмеялась. Но Джоуи говорил на полном серьезе, и ей не хотелось его обижать. Она постаралась скрыть улыбку:

– Ну что ты, какая из нее ведьма!

– Я не про тех колдуний, которые встречаются в сказках. Что, если она настоящая ведьма? Такой не нужны никакие номера, она и так разыщет тебя где угодно. Во всей вселенной не найдется местечка, где бы ты мог от нее укрыться, так как ведьма наделена волшебной силой.

Либо он уже убедил себя в том, что они встретились с ведьмой, либо вот-вот готов был в это поверить. В любом случае не стоило так накручивать себя, ведь эпизод со старухой навсегда остался в прошлом.

Кристине вспомнилось, как незнакомка цеплялась за машину, не отставая ни на шаг и выкрикивая свои невнятные угрозы. При виде этой безумной силы даже Кристине на миг показалось, что старухе ничего не стоит остановить машину голыми руками. Вот и ребенку могло привидеться в этом что-то сверхъестественное.

– Настоящая ведьма, – с дрожью в голосе повторил Джоуи.

Кристина знала, что должна с ходу пресечь эти рассуждения, пока мысль о ведьме не стала для Джоуи чем-то вроде навязчивой идеи.

В прошлом году он два месяца носился с мыслью, что в комнате у него живет волшебная белая змея – вроде той, какую он видел в кино. Она только и ждет, чтобы выползти ночью, когда все спят, и укусить мальчика.

Кристине приходилось каждый вечер сидеть у постели Джоуи, дожидаясь, пока его не сморит сон. А если ему случалось проснуться посреди ночи, она вынуждена была брать его к себе в постель, иначе он просто не мог успокоиться. От этого наваждения Джоуи избавился в тот самый день, когда Кристина решила вести его к детскому психологу (позже она отменила встречу).

Через пару недель, когда стало ясно, что рецидива не будет, она осторожно поинтересовалась у Джоуи, что случилось с белой змеей. «Да это все мое воображение, мам, – смущенно ответил мальчик. – Я вел себя как полный дурачок». Больше он никогда не упоминал про змею. С воображением у Джоуи было все в порядке. Оставалось лишь держать его в узде, когда оно пыталось вырваться из-под контроля. Вот как сейчас.

Хотя ей и требовалось положить конец всей этой колдовской ерунде, Кристина просто не могла взять и сказать Джоуи, что ведьм не существует. Он бы решил, что она пытается обмануть его, как какого-нибудь несмышленьша. Ей надо было подыграть ему, а потом, пользуясь детской логикой, убедить в том, что старуха с парковки никак не могла быть ведьмой.

– Знаешь, я могу понять, почему ты решил, что она ведьма, – начала Кристина. – Даже мне показалось, что она слегка напоминает колдунью.

– Не слегка.

– Да нет, надо отдать ей должное, совсем чуть-чуть.

– Она выглядела как настоящая злая ведьма, – покачал головой Джоуи. – Правда же, Брэнди?

Пес фыркнул, будто на все сто был согласен со своим маленьким хозяином.

Присев на корточки, Кристина почесала собаку за ухом:

– Да что ты знаешь об этом, мохнатая ты морда? Тебя-то там не было.

Пес зевнул.

– Если уж на то пошло, в ней было не так уж много от ведьмы, – сказала Кристина, обращаясь к Джоуи.

– А глаза? Выпуклые, как у жабы, – не сдавался мальчик. – Помнишь, как дико она смотрела? У меня даже мурашки побежали. И волосы косматые, как у настоящей ведьмы.

– А как насчет крючковатого носа с бородавкой на конце? Ничего такого у нее не было.

– Нет, – признал Джоуи.

– И одета она была не в черное платье.

– Зато она была вся в зеленом!

Джоуи произнес это так, что у нее не осталось сомнений: наряд старухи поразил его не меньше, чем саму Кристину.

– Ведьмы не ходят в зеленом. И черной остроконечной шляпы у нее не было.

Джоуи пожал плечами.

– Вдобавок при ней не было кошки, – продолжила Кристина.

– И что с того?

– Ведьма никогда не ходит без своей кошки.

– Правда?

– Конечно. Это ее дух-покровитель.

– Кто-кто?

– Кошка помогает ведьме вступить в контакт с дьяволом. Именно через кошку дьявол наделяет ее волшебной силой. Без кошки любая ведьма – просто старая карга.

– Хочешь сказать, кошка присматривает за ней, чтобы та вдруг не совершила чего-нибудь, что неуютно дьяволу?

– Верно.

– Я не видел там никакой кошки, – нахмурился Джоуи.

– Это потому, что нам встретилась простая старуха. Тебе не о чем беспокоиться, мой родной.

Лицо у Джоуи просветлело.

– Ну и слава богу! Будь она ведьмой, запросто могла бы превратить меня в жабу или во что-нибудь похуже.

– Быть жабой не так уж плохо, – с лукавой улыбкой заметила Кристина. – Сиди себе на листе кувшинки да радуйся жизни.

– Жабы едят мух, – поморщился Джоуи. – А у меня и телятина в рот не лезет.

Рассмеявшись, Кристина чмокнула его в щеку.

– Будь она даже ведьмой, мне нечего бояться. – Джоуи окончательно воспрял духом. – У меня есть Брэнди, а он задаст жару любой кошке.

– На Брэнди можно положиться, – согласилась Кристина.

Она взглянула на уморительную морду пса, который так и сидел в бейсболке.

– Ты у нас заклятый враг всех кошек и ведьм, верно, мохнатый?

К ее удивлению, Брэнди вытянул шею и лизнул Кристину в подбородок.

– Уф, – сказала она. – Не сочти за оскорбление, мохнатый, но целоваться с тобой – не многим лучше, чем есть мух.

Захихикав, Джоуи обнял пса.

Кристина вернулась в кабинет. За время ее отсутствия гора бумаг будто удвоилась.

Не успела она сесть за стол, как зазвонил телефон.

– Алло? – взяла она трубку.

Тишина.

– Алло?

– Ошиблась номером, – раздался негромкий женский голос, и на том конце повесили трубку.

Не придав звонку никакого значения, Кристина вернулась к работе.

3

Она проснулась от лая Брэнди, что само по себе было необычно: Брэнди редко лаял. Потом до нее донесся голос Джоуи:

– Мама, быстрее! Мамочка!

Он не просто звал, он взывал о помощи.

Отбросив одеяло и выбравшись из постели, она машинально взглянула на часы. На циферблате угольно-красным высветилось: 1:20 ночи.

Стремительно метнувшись к двери, Кристина выскочила в коридор и бросилась к спальне Джоуи, на бегу включая свет.

Джоуи сидел, вжавшись спиной в изголовье кровати, будто надеялся просочиться сквозь него, а заодно и сквозь стену. Кулачки судорожно сжимали одеяло. Лицо было бледным и испуганным.

Брэнди стоял у окна, передние лапы на подоконнике, и облаивал что-то притаившееся в ночи за стеклом. Как только Кристина вошла в комнату, пес перестал лаять. Подойдя к кровати, он вопросительно уставился на Джоуи, будто спрашивая, что ему делать дальше.

– Там кто-то есть, – сказал мальчик. – Я видел. Это та чокнутая старуха.

Кристина приблизилась к окну, за которым сгустилась темнота. Желтоватый свет уличного фонаря на углу освещал лишь клочок пространства. До полнолуния было еще далеко, и узкий серп месяца излучал слабое сияние, которое серебрило припаркованные у тротуара машины, но не способно было пролить свет на тайны этой ночи.

– Она все еще там? – спросил Джоуи.

– Нет, – ответила Кристина.

Она отошла от окна и присела на краешек кровати.

Было видно, что Джоуи все еще в шоке.

– Милый, ты уверен...

– Это она!

– А что именно ты видел?

– Ее лицо.

– Той самой старухи?

– Да.

– Уверен, что это была она, а не кто-то еще?

– Она, – утвердительно кивнул мальчик.

– За окном темно. Как тебе удалось разглядеть...

– Я увидел, что там кто-то есть – как тень в лунном свете. И я сделал то, что сделал. Включил свет. И там была она. Я ее видел, правда!

– И все же я не думаю, что она смогла проследить за нами. Да что там, я в этом уверена. И уж тем более у нее не было возможности выяснить, где мы живем. По крайней мере, так быстро.

Джоуи не ответил. Пару секунд он смотрел на свои кулачки, после чего медленно разжал их. Ладонки у него были влажными от пота.

– Может, тебе это все приснилось? – осторожно поинтересовалась Кристина.

Джоуи яростно замотал головой.

– Бывает, мы просыпаемся после кошмара и не можем сразу понять, где реальность, а где сон. Это совершенно нормально. Время от времени такое случается со всеми.

– Тут другое. – Он не отрывал от нее взгляда. – Брэнди залаял, и я проснулся. Смотрю: а там эта злая старуха. Если это был обычный сон, на что тогда лаял Брэнди? Ты же знаешь, что он никогда не шумит просто так.

Кристина перевела взгляд на Брэнди, который растянулся возле кровати, и в душе ее вновь шевельнулось беспокойство. Она встала и снова подошла к окну.

Там, в ночи, полно было мест, где тьма твердо держала свои позиции. Мест, где ничего не стоило спрятаться и выждать удобного момента.

– Мам!

Она взглянула на сына.

– Это не так, как раньше, – сказал он.

– О чем ты?

– Это не как воображаемая белая змея под кроватью. Тут все взаправду, чтоб мне провалиться на этом месте.

Внезапный порыв ветра скользнул по карнизу, громыхнув расшатанным водостоком.

– Идем, – сказала Кристина, протягивая сыну руку.

Тот выбрался из постели, и она отвела его на кухню.

Брэнди пошлепал за ними. На мгновение он замер в дверях, энергично размахивая хвостом, после чего шагнул внутрь и тихонько устроился в углу.

Джоуи сидел у стола в своей голубой пижаме с надписью «Космический патруль». Он неотрывно смотрел в окно, пока Кристина звонила в полицию.

Два офицера стояли на пороге их дома, внимательно слушая Кристину, которая делилась с ними событиями сегодняшнего дня. Заняло это на удивление мало времени. Тот, что помоложе, офицер Статлер, с ходу отнесся к истории Кристины весьма скептически. По его мнению, ночной гость был лишь плодом воображения Джоуи. Однако второй полицейский, офицер Темплтон, не спешил с выводами. Это по его настоянию они со Статлером десять минут обследовали лужайку вокруг дома, подсвечивая фонарями темные пятна кустов. Они проверили гараж и даже не поленились заглянуть на соседний участок. Но им так и не удалось никого обнаружить.

Вернувшись к дверям, где их ждали Джоуи с Кристиной, Темплтон уже не выглядел таким уверенным, как вначале.

– Ну что я могу сказать, миссис Скавелло... если та старуха и была здесь, она давно успела скрыться. Может, испугалась патрульной машины, а может, просто решила, что ей здесь нечего делать. Скорее всего – вполне безобидная особа.

– Безобидная? Ну, не знаю. Мне так она показалась очень даже опасной.

– Вы же знаете, как это бывает, – пожал он плечами. – Дама в годах... возможно, с признаками старческого слабоумия... несет всякую чушь, которую не стоит воспринимать всерьез.

– Не думаю, что все так просто.

– Ну... – Темплтон смущенно отвел взгляд, – если вдруг увидите ее снова или столкнетесь с какой-нибудь еще неприятностью, обязательно позвоните нам.

– Вы уже уходите?

– Да, мэм.

– Практически ничего не сделав?

– По правде говоря, не представляю, что еще тут можно сделать. Вы сами признали, что не знаете ни имени женщины, ни того, где она живет, так что мы не можем даже навеститься к ней визитом. Словом, как я уже сказал, если вдруг она снова появится, звоните нам, и мы сразу приедем.

Кивнув на прощание, он повернулся и зашагал к машине, где его уже поджидал напарник.

Минутой спустя, наблюдая из окон гостиной, как патрульная машины отъезжает от дома, Джоуи снова сказал:

– Она была там, мам. Честно-честно. Это не как с белой змеей.

Она поверила ему. Конечно, образ в окне мог быть обрывком страшного сна или созданным его собственным воображением, но Кристина понимала, что это не так. Из окна на Джоуи смотрела старуха собственной персоной. Кристина не знала, откуда в ней эта уверенность, но не сомневалась ни на секунду.

Она предложила Джоуи провести остаток ночи в ее комнате, но мальчик был настроен решительно.

– Я буду спать у себя, – заявил он. – Со мной Брэнди, а он за милую учует эту ведьму. Вот только... пусть свет пока погорит, ладно?

– Конечно, – сказала Кристина, хотя ей совсем недавно удалось отучить его спать при свете.

Она плотно задернула занавески на окнах, чтобы не было ни щелочки, сквозь которую можно было бы заглянуть в комнату. Уложив Джоуи в постель, она вышла, оставив его на попечение Брэнди.

Вернувшись к себе в комнату и забравшись в постель, Кристина рассеянно уставилась на тонущий в темноте потолок. Спать она не могла. С минуты на минуту ждала она тревожных звуков: звона разбитого стекла, грохота в дверь – однако вокруг царил покой.

Лишь февральский ветер, с размаху ударяясь в стекло, нарушал эту ночную тишь.

Джоуи тем временем выключил лампу, которую его мать предупредительно оставила включенной. Темнота вокруг казалась абсолютной.

Брэнди запрыгнул на постель, куда ему, вообще-то, запрещалось залезать (никаких собак на кровати – одно из правил мамы). Но Джоуи не стал прогонять пса. Сегодня он был рад такому соседу.

Ветер, как живой зверек, фыркал за окнами и лизал стекла. Джоуи натянул одеяло до самого носа, будто прикрывшись щитом, который мог оградить его от любых напастей.

– Она все еще где-то там, – сказал он спустя пару минут.

Пес поднял свою массивную голову.

– Она ждет, Брэнди.

Пес вскинул ухо.

– Она вернется.

Пес негромко зарычал.

Джоуи положил руку на мохнатую спину своего приятеля:

– Ты тоже знаешь это, правда, дружок? Знаешь, что она все еще там?

Пес согласно фыркнул.

Ветер стонал.

Мальчик напряженно слушал.

Ночь шажками продвигалась к рассвету.

4

Посреди ночи, так и не уснув ни на секунду, Кристина спустилась в комнату Джоуи. Лампа, вопреки ее ожиданиям, оказалась выключенной, и в комнате царил непроглядная мгла. Страх тут же вонзил в нее свои цепкие коготки. Она щелкнула выключателем и увидела, что Джоуи крепко спит в своей постели.

Брэнди, который мирно посапывал рядом, тут же встрепенулся. Зевнув, он метнул в Кристину взгляд, полный собачьего раскаяния.

– Ты знаешь правило, мохнатая задница, – шепнула она. – Ну-ка, на пол.

Брэнди спрыгнул с постели, не потревожив Джоуи. Скользнув в ближайший угол, он свернулся там калачиком и виновато уставился на Кристину.

– Умница, – прошептала она.

Мохнатый хвост, будто веник, замел по ковру.

Кристина выключила свет и вышла в коридор. Не успела она пройти и пары шагов, как услышала шорох из комнаты мальчика.

Похоже, Брэнди снова запрыгнул на постель. Возвращаться она не стала. Плевать, если на одеяле и простынях останется собачья шерсть. Главное, что Джоуи в безопасности.

Всю ночь Кристина ворочалась на постели, то засыпая, то снова просыпаясь. Ей снилась ужасная старуха с зеленым лицом, зелеными волосами и омерзительно-зелеными ногтями, скрюченными, будто когти.

Утро понедельника выдалось солнечным. Даже слишком солнечным, поморщилась Кристина. Яркий свет больно ударил по измученным бессонницей глазам.

Она позволила себе подольше задержаться в душе, надеясь смыть горячей водой остатки ночной усталости. Потом стала одеваться на работу. Ничего лишнего: бордовая блузка, серая юбка, такие же серые лодочки.

Шагнув к зеркалу, отразившему ее в полный рост, Кристина принялась разглядывать свою внешность. И снова не обошлось без чувства стыда и замешательства. Кристина знала, откуда у нее взялась эта чрезмерная застенчивость. Она развилась в те самые Потерянные Годы, которые поглотили около двух лет ее жизни, с восемнадцати до двадцати. Именно тогда Кристина постаралась избавиться не только от тщеславия, но и немалой части своей индивидуальности, поскольку образцом для нее было унылое однообразие. Скромность и невзрачность – вот что требовалось от нее в первую очередь. Любой намек на тщеславие, любая попытка приукрасить свою внешность вызывали мгновенную реакцию со стороны наставниц и служили поводом для наказания. И хотя сами эти унылые годы давно остались в прошлом, их эффект так и не успел стереться до конца.

И вот теперь, будто желая проверить, правда ли ей удалось восторжествовать над Потерянными Годом, она стряхнула с себя смущение и принялась изучать свое отражение с той крохой самолюбования, которая еще сохранилась в ее душе. Кристина знала, что у нее хорошая фигура, хотя и не могла похвастаться формами, которые произвели бы фурор где-нибудь на пляже. Длинные стройные ноги, округлые, не слишком широкие бедра и тонкая – некоторые сказали бы, чересчур тонкая – талия. С другой стороны, благодаря ей грудь Кристины казалась больше, чем была на самом деле. Она не питала иллюзий насчет собственной груди, и Кристине хотелось иногда поменяться местами с Вэл. Но Вэл любила повторять, что слишком большая грудь не столько дар, сколько проклятие. Это все равно что таскать на себе пару тяжелых сумок, от веса которых к вечеру болят плечи. Было ли это правдой, или Вэл всего лишь пыталась утешить подругу, которую природа одарила не столь щедро, Кристина не знала. Она чувствовала, что желание обзавестись роскошным бюстом – реакция ее тщеславного сердечка

на то обезличивание, с каким она столкнулась в том унылом, лишенном радости месте, где она провела целых два года своей жизни.

Щеки у нее уже порозовели от смущения, но Кристина заставила себя задержаться перед зеркалом еще на пару минут, пока не убедилась, что с прической у нее все в порядке и макияж выглядит безупречно. Из зеркала на нее смотрела весьма привлекательная особа. Не красавица, но и не дурнушка. У Кристины было свежее личико, изящный подбородок, красиво очерченный нос. Но красивее всего были глаза: большие и темные, они сразу привлекали внимание. Волосы шелковистые и до того темные, что казались порой черными. Вэл часто говорила, что без раздумий поменяла бы свою пышную грудь на такие роскошные волосы. Но Кристина не сомневалась, что это всего лишь слова. Ее волосы и правда смотрелись неплохо в хорошую погоду, но сырость и ветер не оставляли от этой красоты ни следа. Волосы обвисали жалкими прядями или же выглядели спутанными и неопрятными.

Наконец, пылая от смущения, но чувствуя гордость за то, что смогла преодолеть излишнюю застенчивость, Кристина вышла из ванной.

Она направилась на кухню, чтобы приготовить кофе с тостом. Джоуи уже сидел за столом. Мальчик не ел, просто сидел безмолвно и неподвижно, глядя в окно на залитую солнцем лужайку.

– Что будешь на завтрак, капитан? – спросила Кристина, доставая бумажный фильтр и вставляя его в корзинку.

Мальчик не ответил.

– Как насчет каши и тоста с арахисовым маслом? – Она засыпала в фильтр кофе. – Или лучше оладьи? На худой конец, сойдет и яйцо.

Джоуи снова промолчал. Бывало так, что мальчик просыпался не в духе, но Кристине всегда удавалось рассмешить его, привести в хорошее настроение. Слишком добродушный по природе, он никогда не умел долго дуться.

– Ладно, раз яйцо и тост нам не по вкусу, можно придумать что-нибудь другое, – сказала Кристина, включив дрипплятор и налив туда воды. – Хочешь, я приготовлю шпинат, брокколи и брюссельскую капусту? Только твои любимые овощи.

Но и на это Джоуи не повелся. Все так же сидел и молча смотрел в окно.

– Ладно, я могу положить в микроволновку твой старый ботинок и подождать, пока он как следует не разварится. Нет ничего вкуснее на завтрак, чем старый ботинок. А до чего питательный!

И снова молчание.

Кристина достала тостер, поставила его на стойку и включила в сеть. И лишь тут до нее дошло, что мальчик не просто капризничает.

– Детка! – сказала она, глядя на повернутый к ней затылок.

У Джоуи вырвался приглушенный звук, похожий на всхлип.

– Детка, что случилось?

Только теперь он отвернулся от окна и взглянул на мать. Спутанные волосы свисали ему на глаза, смотревшие едва ли не затравленно. На щеках блестели слезы.

Кристина взяла сына за руку. Ладонка была холодной, будто безжизненной.

– Что с тобой, котик? Скажи мне.

Свободной рукой он смахнул с глаз слезы. Рукавом вытер их.

Очевидно, что дело было не в детских капризах, не в обычной бытовой неприятности. Кристина почувствовала это, и во рту у нее пересохло от страха.

Джоуи попытался что-то сказать, но не смог выдать ни слова. Махнув рукой в сторону кухонной двери, он судорожно вздохнул и наконец выговорил:

– В-веранда.

– Веранда? Что это значит?

Джоуи лишь помотал головой.

Нахмурившись, Кристина подошла к двери и распахнула ее. От увиденного у нее перехватило дыхание.

Брэнди. Мохнатое золотистое тело собаки лежало возле ступеней, на краю веранды. И только голова его была у ног Кристины. Собаку обезглавили.

5

Кристина и Джоуи сидели в гостиной на бежевом диване. Мальчик больше не плакал, но взгляд у него по-прежнему был затравленный.

Полицейский, офицер Уилфорд, пристроился на кресле. Высокий и крепкий, с кустистыми бровями и грубоватыми чертами лица, он производил впечатление человека независимого и самодостаточного. Такие, как он, чувствуют себя дома лишь на природе, в лесах и горах, где можно беспрепятственно охотиться и ловить рыбу. Составляя протокол, он пристроился на самом краешке кресла, что с его размерами выглядело более чем забавно. Было видно, что ему не хочется запачкать или поцарапать дорогую мебель.

– Кто из вас выпустил собаку на улицу? – спросил он, задав перед этим еще кучу вопросов.

– Никто, – ответила Кристина. – Он выбрался сам. В кухонной двери есть специальное отверстие для собаки.

– Я видел, – кивнул Уилфорд. – Маловато для такой крупной собаки.

– Я знаю. Оно уже было там, когда мы купили дом. Брэнди почти не пользовался им, только если уж очень хотелось выйти, а дома никого не было. Тогда он вжимался в пол и кое-как протискивался наружу. Я уже давно собиралась заколотить эту дырку, чтобы пес там, не дай бог, не застрял. Сделай я это, и Брэнди мог бы остаться в живых.

– Ведьма расправилась с ним, – тихонько вставил Джоуи.

Кристина обняла сына за плечи.

– Так вы думаете, его выманили наружу с помощью мяса или печенья? – спросил Уилфорд.

– Нет! – решительно заявил Джоуи, которого оскорбила сама мысль о том, что его пес мог погибнуть от обжорства. – Брэнди вышел, чтобы защитить меня. Он знал, что старая ведьма где-то рядом, и хотел добраться до нее. Вот только... она добралась до него первой.

Кристина понимала, что догадка Уилфорда ближе к истине, но знала и то, что Джоуи будет проще смириться со смертью собаки, если он решит, что Брэнди погиб как настоящий герой.

– Это был храбрый пес, очень храбрый, – сказала она. – И мы им гордимся.

– Само собой, – кивнул Уилфорд, – таким псом можно гордиться. Жаль, что все так вышло. Золотистый ретривер – замечательная порода. И характер что надо.

– Ведьма убила его. – Было видно, что Джоуи никак не может отойти от шока.

– Не факт, – сказал Уилфорд. – Может, тут постарался кто-то другой.

– Другой? – нахмурилась Кристина. – Да нет же, это та самая старуха.

– Я понимаю, насколько вас потряс вчерашний инцидент, – продолжил Уилфорд. – Вполне естественно, что вы склонны приписать убийство собаки все той же сумасшедшей. Тем не менее нет никакого реального основания полагать, что два эти события как-то связаны между собой.

– Но эта старуха объявилась вчера у нашего дома. – Кристина с трудом сдерживала раздражение. – Я уже говорила вам об этом, как говорила и тем двум офицерам. Почему никто не желает меня слушать? Она заглядывала к Джоуи в окно. Это на нее лаял тогда Брэнди.

– Но к тому времени, когда вы оказались в комнате, ее уже не было, – заметил Уилфорд.

– Все так, но я...

– Сынок, – Уилфорд с улыбкой обратился к Джоуи, – ты точно, стопроцентно уверен, что видел за окном ту самую старушку, с которой вы повстречались раньше?

– Да, – решительно закивал Джоуи, – ту ведьму.

– Понимаешь, все дело в том, что, когда ты увидел за окном какую-то фигуру, тебе ничего не стоило принять ее за старуху. Она здорово напугала тебя днем, так что ты не переставал о ней думать. И ее лицо наложилось у тебя на тот образ, который мелькнул за окном... вне зависимости от того, кто там был на самом деле.

Джоуи нахмурился, не в силах уследить за этой логической цепочкой. Тем не менее он продолжал стоять на своем.

– Это была она, та ведьма, – упрямо заявил он.

– Сам я склонен считать, – обратился Уилфорд к Кристине, – что человек, шнырявший у вас под окнами, и убийца собаки – одно и то же лицо. Но я не думаю, что виной всему та пожилая особа из торгового центра. Видите ли, как правило, когда травят собаку – а случается это куда чаще, чем вы думаете, – виновником редко оказывается посторонний человек. Чаще всего это кто-то из живущих по соседству. Вот я и считаю, что один из ваших соседей крутился у дома, выискивая собаку, когда Джоуи увидел его в окно. Позже тот тип вернулся и прикончил пса.

– Глупости! – не удержалась Кристина. – У нас хорошие соседи. Никому и в голову не придет убить собаку.

– Такое случается сплошь и рядом, – покачал головой Уилфорд.

– Только не в нашем районе.

– Да где угодно, – не сдавался Уилфорд. – Представьте: пес лает без остановки, день за днем, ночь за ночью. Некоторые от этого на стену лезут.

– Брэнди почти не лаял.

– Это для вас «почти не лаял», а другому может показаться «все время».

– Вдобавок Брэнди не отравлен. С ним расправились, причем очень жестоко. Да вы и сами видели. Не каждый сосед способен на такое.

– Вы бы удивились, если бы узнали, на что способны некоторые соседи, – вздохнул Уилфорд. – Дай им волю, они бы поубивали друг друга. В странном мире мы с вами живем.

– И все же вы ошибаетесь. – Кристина не знала, что ее так раздражает в этом человеке. – Без старухи тут не обошлось. Я имею в виду и собаку, и лицо в окне.

– Может, вы и правы, – вздохнул полицейский.

– Конечно права.

– Я просто хотел сказать, что нужно смотреть на вещи шире.

– Прекрасное правило, – многозначительно заметила Кристина.

– Что ж, – он закрыл блокнот, – теперь у меня есть все детали происшедшего.

Он встал, и Кристина поднялась вместе с ним.

– И что же теперь? – поинтересовалась она.

– Ну, мы заведем дело, к которому приложим ваше заявление, и присвоим этому делу номер.

– Что это значит?

– Если что-то случится, если та старуха объявится снова, вам достаточно будет назвать номер дела при звонке в полицию. Таким образом офицеры, ответившие на ваш вызов, смогут сориентироваться заранее. И если та женщина снова скроется до приезда полиции, велик шанс, что они заметят ее на улице и смогут задержать.

– А почему нам не присвоили такой номер после того, что случилось этой ночью?

– Одного заявления о том, что кто-то вторгся на ваш участок, недостаточно, – пояснил Уилфорд. – Ведь преступления как такового не было. Мы, по крайней мере, не заметили ничего криминального. Вот собака – это... немногим хуже.

– Немногим хуже? – Кристина, как наяву, увидела отрубленную голову Брэнди, его мертвые, остекленевшие глаза.

– Прошу прощения, неудачно выразился, – вздохнул Уилфорд. – Просто по сравнению с тем, что нам приходится видеть, мертвая собака...

– Пусть так. – Кристине все трудней было сдерживать эмоции. – Итак, вы откроете дело и присвоите ему номер. Что еще вы намерены предпринять?

Уилфорд неловко помялся на месте:

– Все, что у нас есть, – это описание той женщины, которую вы встретили у торгового центра, но это не так уж много. С помощью компьютера мы попробуем выяснить ее имя. Машина выдаст нам имя всякого, кто уже имел проблемы с законом и кто в целом подходит под ваше описание. В результате в нашем распоряжении окажутся фотографии подозреваемой. Если совпадений будет несколько, мы придем к вам со снимками этих людей, чтобы вы могли на них взглянуть. Как только вы опознаете ту самую особу, мы нанесем ей визит... чтобы выяснить, что к чему. Как видите, миссис Скавелло, все совсем не безнадежно.

– А что, если до сих пор она не сталкивалась с полицией и у вас нет на нее досье?

– Мы обмениваемся информацией со всеми полицейскими участками в округах Ориндж, Сан-Диего, Риверсайд и Лос-Анджелес. Нам доступны все те сведения, что находятся у них в компьютерной базе. Если та женщина есть в каком-то их досье, мы получим данные на нее в два счета.

– Пусть так, но что делать, если у нее вообще не было проблем с законом? – с тревогой поинтересовалась Кристина.

– Не беспокойтесь. – Уилфорд переступил через порог. – Наверняка мы что-нибудь раскопаем. Чаще всего так и бывает.

– Но этого недостаточно.

Она сказала бы так, даже если бы он убедил ее своей тирадой. В действительности она не поверила ни единому его слову. Ничего они не раскопают.

– Прошу прощения, миссис Скавелло, но это лучшее, на что мы способны.

– Черт.

– Я понимаю ваше разочарование, – нахмурился полицейский, – и хочу заверить, что мы не собираемся сидеть сложа руки. Но рассчитывать на чудо тоже не стоит.

– Черт, черт, черт!

Гримаса недовольства на его лице проступила еще отчетливей.

– Знаете, это не мое дело, но я бы не стал на вашем месте использовать такие слова в присутствии ребенка.

Кристина уставилась на него в полном изумлении. В следующую секунду изумление переросло в ярость.

– Правда? Вы у нас что – новоиспеченный христианин?

– Если уж на то пошло, да. Нет ничего важнее, чем служить достойным примером для подрастающего поколения. Только так они познают правду Божью. Нам следует...

– Поверить не могу, – вскипела Кристина. – Вы утверждаете, что я подаю плохой пример своему ребенку лишь потому, что я использовала безобидное слово...

– Слова не так безобидны, как может показаться. Дьявол искушает и убеждает с помощью слов. В них...

– А как насчет примера, который *вы* подаете моему сыну? Всем своим поведением вы учите его тому, что от полиции нет никакого толка, что вы не в состоянии защитить нас от опасности и появляетесь лишь после того, как самое худшее уже произошло.

– Жаль, что вы видите все в подобном свете, – сказал Уилфорд.

– А как еще, черт возьми, я должна на это смотреть?

Он вздохнул:

– Мы сообщим вам номер вашего дела.

Развернувшись, он зашагал прочь. Прочь от дома и от них с Джоуи.

Поборов мгновенное оцепенение, Кристина устремилась следом:

– Прошу вас!

Он повернулся. Взгляд холодный, лицо будто высечено из гранита.

– Простите, что сорвалась. Мне очень жаль. Правда жаль. Просто я до того расстроена, что не знаю, как мне дальше быть.

– Я понимаю, – привычно повторил он, но на этом каменном лице не читалось ни понимания, ни сочувствия.

Бросив взгляд назад и убедившись, что Джоуи не мог ее услышать, Кристина продолжила:

– Простите, что сорвала на вас злость. Конечно, вы правы насчет того, что мне не стоит выражаться при ребенке. Обычно я неукоснительно следую этому правилу, но сегодня я сама не своя. Какая-то сумасшедшая старуха заявляет, что мой сын должен умереть. Вот прямо так и сказала: «Он должен умереть». И ладно бы это были просто слова, но ведь наш пес погиб. Ни в чем не повинный бедняга. Мы так любили его, и вот теперь его нет. Внезапно весь наш мир перевернулся с ног на голову, и я не просто испугана – я в ужасе. Похоже, та старуха преследует нас. Она не оставит нас в покое, пока не сделает, не *попытается* сделать то, что задумала, – убить моего мальчика. Ясное дело, у нее нет на это никакой разумной причины, да это и не важно. Газеты пестрят сообщениями о насильниках, растлителях и разного рода сумасшедших, которым не нужны никакие доводы, чтобы делать то, что они делают.

– Миссис Скавелло, прошу вас, держите себя в руках, – сказал Уилфорд. – Мне кажется, вы слишком драматизируете ситуацию. Так и до истерики недолго. Все не так плохо, как вы пытаетесь представить. Я ведь сказал, что мы займемся вашим делом. А тем временем доверьтесь Богу: Он сбережет вас и вашего мальчика.

Она не могла достучаться до этого человека. Ни сейчас, ни через миллион лет. Что бы она ни говорила, все было тщетно.

Кристина чувствовала, что силы покидают ее.

– Но я рад слышать, – продолжал Уилфорд, – что вы постараетесь не ругаться больше в присутствии мальчика. Последние два поколения мы воспитывали в этой стране самодовольных эгоистов, лишенных ясного представления о моральных ценностях. И если мы хотим жить в благонамеренном обществе, которым движет страх Господень, важно показать должный пример своим детям.

Кристина не ответила. У нее было чувство, будто перед ней человек из другой страны, может, даже с другой планеты. Мало того что он не говорит на ее языке, ему вообще не дано понять ее. Он не чувствует ее тревоги, не улавливает ее проблемы. В каком-то смысле их разделяют тысячи миль, и не было никаких путей к сближению.

С пылом истинного верующего Уилфорд продолжал:

– И я бы не рекомендовал вам разгуливать по дому без лифчика. Для женщины с вашим телосложением это недопустимо. Даже свободная блузка не сможет полностью скрыть ваши формы. И при некоторых обстоятельствах это может... возбуждать.

Кристина не верила своим ушам. На ум ей пришло сразу несколько колких замечаний, каждое из которых заставило бы Уилфорда заткнуться, но все они никак не могли оформиться в слова. Разумеется, она прекрасно знала причину подобной скованности. Как-никак ее воспитала мать, по сравнению с которой сам генерал Джордж Паттон смотрелся бы мягкосердечной овечкой. Это она внушила Кристине, что сдержанность и хорошие манеры – главное достоинство любого человека. Что уж говорить про уроки церкви, которая настаивала на том, что все мы должны подставлять другую щеку. Кристине казалось, что она сумела избавиться от этой мишуры и она уже позади. Но неспособность осадить Уилфорда, указать ему место доказала обратное. В каком-то смысле она все еще была пленницей своего прошлого.

Тем временем Уилфорд, не замечая ее злости, продолжал вещать:

– Пока что мальчик может ничего не замечать в силу своего возраста. Но через пару лет он уже не упустит подобные детали. Эти мысли слишком греховны для ребенка. Внушая их, вы толкаете его на путь дьявола.

Если бы не это чудовищное ощущение собственной слабости и беспомощности, Кристина рассмеялась бы ему в лицо. Но сейчас в ней не было ни капельки веселья.

– Что ж, я еще свяжусь с вами, – сказал Уилфорд. – Доверьтесь Богу, миссис Скавелло, доверьтесь Богу.

Интересно, что бы он сказал, если бы узнал, что никакая она не *миссис*. Как бы онотреагировал, скажи она ему, что Джоуи рожден вне брака? Стал бы он тратить время и силы на то, чтобы спасти жизнь незаконнорожденного ребенка?

Будьте прокляты лицемеры!

Ей хотелось ударить Уилфорда, как следует пнуть его, выместить на нем свое разочарование, но она лишь молча наблюдала за тем, как он забирался в машину, где уже сидел его напарник. Оглянувшись, Уилфорд махнул на прощание рукой.

Кристина вернулась в дом.

Здесь ее подждал Джоуи.

Ей хотелось утешить сына, хоть немного подбодрить его, очень уж несчастным он выглядел сейчас.

Но даже найди она нужные слова, ей не хватило бы духу обмануть его. Пока они не выяснили, что за чертовщина тут происходит, страх был их союзником. Пока Джоуи испуган, он будет начеку.

Кристина чувствовала приближение беды.

Или она драматизирует ситуацию?

Нет.

Джоуи ощущал то же самое. Она видела это по его затравленному взгляду.

6

Шагнув в дом, Кристина заперла за собой дверь.

– Ты как, в порядке? – взъерошила она волосы Джоуи.

– Я буду скучать по Брэнди.

Голос у него дрогнул. Мальчик явно старался держаться молодцом, но давалось ему это с большим трудом.

– Я тоже буду. – Кристине вспомнилось, до чего забавно выглядел Брэнди в роли Чубакки.

– Я тут подумал... – начал Джоуи.

– О чем?

– Может, имеет смысл?

– Да?

– Имеет смысл завести другую собаку.

Кристина наклонилась к окну:

– Ты знаешь, это действительно хорошая мысль. Очень зрелая.

– Это не потому, что я хочу забыть Брэнди.

– Конечно нет.

– Я его никогда не забуду.

– Мы всегда будем помнить о Брэнди. Он навечно останется в наших сердцах. Я думаю, он бы понял наше желание обзавестись новой собакой. Да что там, он был бы только рад.

– Чтобы я был под защитой, – сказал Джоуи.

– Верно. Брэнди не хотел бы, чтобы ты остался без защиты.

На кухне зазвонил телефон.

– Мы найдем хорошее кладбище для домашних животных и похороним Брэнди со всеми почестями.

Снова звонок.

– Это будет здорово, – кивнул мальчик.

– Сейчас я отвечу, и мы с тобой займемся приготовлениями.

Телефон продолжал трезвонить.

– Ну а потом мы присмотрим какого-нибудь щенка, – сказала Кристина, направляясь на кухню.

Она взяла трубку:

– Алло?

– Ты тоже в этом замешана? – раздался женский голос.

– Простите?

– Ты тоже в этом замешана или даже не подозреваешь, что происходит?

Голос был смутно знакомым, однако Кристина сказала:

– Думаю, вы ошиблись номером.

– Я говорю с мисс Скавелло, верно?

– Да. С кем имею дело?

– Мне важно знать, замешана ли ты в этом. Ты одна из них или тебя ввели в заблуждение?

Мне надо знать.

И тут Кристина поняла, чей это голос. Мурашки побежали у нее по спине.

– Ты хоть знаешь, кто твой сын на самом деле? – спросила старуха. – Знаешь, что он воплощенное зло? Что он должен умереть?

Кристина бросила трубку.

Повернувшись, она увидела, что Джоуи пришел за ней на кухню. В своей полосатой рубашке, джинсах и слегка поношенных кедах он выглядел до странности маленьким и незащищенным.

Телефон зазвонил снова.

Кристина, не обращая внимания на звонки, протянула Джоуи руку:

– Идем, капитан. Держись ко мне поближе.

Вместе они прошли через столовую и гостиную, а затем поднялись по лестнице в спальню Кристины.

Джоуи ни о чем не спросил. Похоже, он и так догадался: что-то не в порядке.

Телефон звонил без умолку.

Кристина быстро выдвинула верхний ящик комода, покопалась в стопке свитеров и извлекла на свет зловещего вида пистолет, короткоствольный «астра-констебль». Пистолет был куплен давно, еще до рождения Джоуи, как раз в то время, когда Кристина стала жить одна. Тогда же она научилась пользоваться им. Оружие служило ей гарантией безопасности как тогда, так и теперь.

Телефон разрывался от звонков.

Все изменилось, когда в ее жизни появился Джоуи. Прежние страхи Кристины уступили место новым опасностям: что, если мальчик найдет пистолет и решит поиграть им? Ей не оставалось ничего другого, как только разрядить оружие. Пустую обойму она убрала в ящик шкафа, а сам пистолет спрятала под свитерами в комод. К счастью, он ей так и не понадобился.

До сегодняшнего дня.

Пронзительные звонки начали действовать ей на нервы.

С пистолетом в руке Кристина подошла к шкафу и достала оттуда пустую обойму. Затем настала очередь коробочки с патронами, которая хранилась на верхней полке. Дрожащими, неловкими от волнения пальцами Кристина заполнила обойму и вставила ее в пистолет.

Джоуи наблюдал за всем с неммым изумлением.

Телефон внезапно смолк.

На Кристину обрушилась тишина, от которой ей на мгновение стало не по себе.

Джоуи первым нарушил молчание:

– Это ведьма звонила?

Не было смысла скрывать от него правду, как не было смысла настаивать на том, что старуха – никакая не ведьма.

– Да, она.

– Мамуля... мне страшно.

В последнее время, с тех пор как ему удалось побороть страх, связанный с присутствием воображаемой белой змеи, Джоуи называл Кристину исключительно «мама». Так он казался себе взрослее. Возвращение к «мамуле» указывало на то, как сильно он испуган.

– Все хорошо, детка. Я не допущу, чтобы с тобой или со мной что-нибудь случилось. Главное тут – не поддаваться панике.

Кристина боялась, что в любой момент в окне замаячит знакомое лицо или раздастся стук в дверь. Откуда звонила старая карга? Сколько времени потребовалось ей на то, чтобы добраться до их дома? Полицейские скрылись, оставив их один на один с грядущей опасностью.

– Что мы будем делать? – спросил Джоуи.

Положив заряженный пистолет на комод, Кристина вытащила из шкафа два чемодана:

– Сейчас я соберу вещи, и мы покинем на время наш дом.

– А куда мы поедим?

– Пока не знаю. – Она швырнула на кровать чемодан. – Пожалуй что, в гостиницу. Куда-нибудь, где эта безумная карга не сможет нас отыскать, как бы ни старалась.

– А что потом?

– Потом мы найдем того, кто сможет нам помочь. Не на словах, а на деле. Кристина принялась укладывать в чемодан свои вещи.

– Не как копы?

– Не как копы.

– А кто это?

– Даже не знаю. Пожалуй... частный детектив.

– Как Магнум по телику?

– Не совсем, – улынулась Кристина.

– А как кто?

– Что нам нужно, это крупная фирма, которая предоставит нам телохранителей и прочую помощь, пока их люди будут выслеживать старуху. Какая-нибудь первоклассная организация.

– Вроде как в старых фильмах?

– Каких это фильмах?

– Ну, когда у кого-то случается крупная неприятность и все говорят: «Давайте наймем Пинкельтона».

– Пинкертон, – поправила Кристина. – Да, что-то вроде того. Я в состоянии нанять таких людей, и я это сделаю. Не хватало еще просто сидеть и ждать, как того хочет от нас полиция.

– Я бы чувствовал себя в миллион раз спокойней, если бы мы сразу обратились к Магнуму, – вздохнул Джоуи.

У нее не было времени объяснять ребенку, что Магнум – не настоящий сыщик.

– Может, ты и прав. Может, нам действительно стоит обратиться к Магнуму.

– Правда?

– Да.

– Он должен справиться, – торжественно кивнул Джоуи. – Он еще ни разу не провалил задание.

Кристина вручила Джоуи пустой чемодан, и тот послушно понес его в свою комнату. Она поспешила следом – с полным чемоданом в одной руке и пистолетом в другой.

Нет смысла терять время на гостиницу. Они отправятся сразу в детективное агентство.

Сердце у нее отчаянно колотилось. Во рту пересохло так, будто она не пила несколько дней. Перед глазами маячил образ обезглавленного тела, лежащего на веранде в луже крови. Но это был не Брэнди. Воображение услужливо рисовало ей бездыханное тельце Джоуи.

7

Чарли Харрисон мог гордиться своими достижениями. Ребенок из бедной семьи, росший на окраинах Индианаполиса, он начинал практически с нуля. А к тридцати шести годам он стал полноправным владельцем процветающей компании (с тех пор как основатель ее, Харви Клемет, ушел в отставку). Чарли жил на юге Калифорнии, и жил, надо сказать, неплохо. Пусть он не успел еще достичь окончательных высот, но был очень близок к этой цели, и его не мог не радовать вид, открывающийся с нынешней вершины.

Офисы компании «Клемет – Харрисон» ничем не напоминали тесные клетушки тех частных детективов, которые мелькали в кино и на страницах романов. Их собственные помещения, расположенные на последнем этаже пятиэтажного здания, примостившегося на тихой улочке Коста-Месы, радовали глаз неброской, со вкусом подобранной обстановкой.

Приемная призвана была производить самое приятное впечатление на новых клиентов. Полы здесь были устланы дорогими коврами, а стены обиты изысканной тканью. Мебель новая и тоже не из дешевых. Разумеется, никто бы не стал портить такую обстановку простенькими репродукциями. Стены украшали три картины Эйвинда Эрла, каждая из которых стоила больше полутора тысяч долларов.

Офис Чарли тоже впечатлял роскошью, но в нем не было ничего от той тяжеловесной кичливости, которую так любят адвокаты, да и многие бизнесмены. На стенах – панели из беленой древесины, и в тон им – ставни на окнах. Современный стол марки «Henredon», кресла с нежно-зеленой обивкой от «Brunschwig & Fils». Разнообразили обстановку две пронизанные солнцем картины Мартина Грина, где подводная растительность изящно покачивалась на невидимых глазу волнах прибоя. Несколько ажурных растений, главным образом папоротников, свисали с потолка или высились на стойках красного дерева. Эффектно, но с той ноткой сдержанности, которая присуща настоящему богатству.

Но стоило Кристине Скавелло переступить через порог – и Чарли вдруг ощутил стыд за свой кабинет. Несмотря на светлые тона и дорогую мебель, он показался ему безвкусным и каким-то кричащим по сравнению с этой потрясающей женщиной.

Он вышел из-за стола и протянул руку:

– Мисс Скавелло, я Чарли Харрисон. Очень рад нашему знакомству.

Та пожала ему руку и тоже сказала, что рада познакомиться.

У нее были густые, с блеском темно-каштановые волосы – такого насыщенного оттенка, что казались почти черными. Ему хотелось коснуться этих волос. Хотелось зарыться в них лицом, чтобы вдохнуть их аромат.

Чарли, для которого собственная реакция на эту женщину оказалась сюрпризом, пытался взять себя в руки. Почему бы не присмотреться к ней повнимательней, без всяких там эмоций? Если так вдуматься, его гостя была далека от совершенства. Привлекательна, да, но не потрясающая красотка. Лоб немного высоковат, скулы чуточку тяжеловаты, а нос... нос тоже не выглядит слишком правильным.

И все же Чарли, будто школьник, бросился извиняться:

– Я прошу прощения за состояние моего офиса.

Он и сам не ожидал от себя такого.

– А в чем проблема? – озадаченно взглянула на него Кристина. – Здесь очень мило.

Он растерянно моргнул:

– Вы и правда так думаете?

– Конечно. Вообще-то, я представляла офис частного детектива иначе, но он ничуть от этого не проигрывает. Напротив, кажется куда интересней и привлекательней.

Глаза у нее были большие и темные. И смотрела она прямо и открыто. Всякий раз, когда Чарли встречался с ней взглядом, у него на мгновение замирало сердце.

– Моя работа. – Чарли решил, что кабинет и в самом деле не так уж плох. – Не стал нанимать специалиста, все оформил сам.

– Похоже, у вас талант декоратора.

Он усадил ее в кресло, мысленно отметив, до чего красивые у нее ноги и до чего изящные лодыжки.

«Но мне и раньше случалось видеть красивые женские ножки, – не переставал удивляться он самому себе. – Но никогда еще я не реагировал на женщину таким подростковым желанием, таким ошеломляющим всплеском гормонов».

То ли в нем больше внутреннего пыла, чем он сам предполагал, то ли его зацепила не просто красивая внешность.

Может, главная ее привлекательность крылась в том, как она двигалась, пожимала руку и держала себя (без усилия, с неторопливым изяществом). А может, все дело было в ее голосе, таком земном и женственном, ничуть не приторном, но с ноткой силы. Или в умении спокойно и без нажима смотреть в глаза. Вдобавок, несмотря на всю серьезность ее положения – а иначе зачем бы она пожаловала сюда? – ей было присуще то внутреннее спокойствие, которое редко встретишь в современном мире.

«Но и это не объясняет главного, – подумал Чарли. – С каких это пор меня влечет к женщине по причине ее безусловного внутреннего спокойствия?»

Ладно, все это можно будет проанализировать позже, а пока пора переходить к делу.

– Не стоило, пожалуй, говорить вам, что меня интересует дизайн помещений, – сказал Чарли, снова усаживаясь на стул. – Вы можете решить, что это не лучшее занятие для сыщика.

– Напротив, – покачала она головой, – ваше увлечение свидетельствует о том, что вы восприимчивы, наблюдательны и уделяете должное внимание деталям. Как раз те качества, которые требуются в вашей работе.

– Точно! Лучше и не скажешь, – просиял Чарли, от души радуясь таким похвалам.

Ему ужасно захотелось расцеловать ее. Осыпать поцелуями этот лоб, глаза, щеки, подбородок, изящно очерченные губы.

Но вместо этого он деловито спросил:

– Итак, мисс Скавелло, чем я могу вам помочь?

Она рассказала ему про зловещую старуху.

Рассказ заставил Чарли посочувствовать ей. Он был удивлен и заинтригован, что не мешало ему ощутить легкое беспокойство. Многолетний опыт подсказал ему, что от чокнутых можно ожидать чего угодно. Вдобавок он знал, насколько трудно выследить и призвать к ответу того, кто следует этой внутренней логике безумца. Чарли предпочитал людей, чьи мотивы были ясны и недвусмысленны. К подобным мотивам относилась жадность, зависть, похоть, ревность, жажда мести, ненависть, любовь. Настоящий материал для сферы частного сыска. Спасибо тебе, Боже, за слабости и несовершенства человеческой природы, ведь в противном случае Чарли остался бы без работы.

А сейчас у него была еще одна причина для беспокойства: он боялся, что подведет Кристину Скавелло и та навсегда исчезнет из его жизни. Если же это произойдет, ему останется довольствоваться лишь мечтами о ней... а Чарли был староват для фантазий подобного рода.

Когда Кристина закончила перечислять события этого утра (убийство пса, звонок старухи), Чарли спросил:

– Где сейчас ваш сын?

– У вас в приемной.

– Прекрасно. Там он в безопасности.

– У меня такое чувство, что он нигде уже не будет в безопасности.

– Успокойтесь. Уверю вас, это еще не конец света.

Он улыбнулся ей, чтобы показать, что это и в самом деле не конец света. Чарли хотелось, чтобы Кристина улыбнулась в ответ. Он не сомневался, что от улыбки ее чарующее лицо станет еще прекрасней. Но в ней, похоже, не осталось места для радости.

– Итак, наша старуха... – сказал он. – Вы смогли описать ее весьма подробно. – Он заглянул в блокнот, в котором делал свои заметки. – Но нет ли чего-то еще, что помогло бы нам установить ее личность?

– Я рассказала все, что только смогла вспомнить.

– Как насчет шрамов? Были у нее шрамы или прочие отметины?

– Нет.

– Очки?

– Тоже нет.

– Вы сказали, что на вид ей ближе к семидесяти...

– Верно.

– При этом лицо почти без морщин.

– Да.

– Неестественно гладкое и слегка одутловатое?

– Именно. У меня была тетя, которой кололи от артрита кортизон. Из-за этих уколов ее лицо тоже было как у той женщины.

– Думаете, она лечится от артрита?

– Понятия не имею, – пожала плечами Кристина. – Все может быть.

– А не было ли на ней, случаем, медного браслета или медных колец?

– Медных?

– Я знаю, что это всего лишь предрассудки, но многие уверены, что медь помогает от артрита. Моя тетушка, у которой тоже был артрит, постоянно носила медную цепочку, по медному браслету на каждом запястье, пару медных колец да еще и браслет вокруг щиколотки. Настоящие доспехи, да и только. Тетушка божилась, что эти погремушки действительно помогают, хотя боли ее никуда не делись да и двигалась она с трудом.

– На той женщине не было ничего медного. Куча других украшений, но ничего, что напоминало бы медь.

Чарли снова заглянул в свои записи:

– Своего имени она не назвала...

– Нет.

– Но не было ли у нее монограммы... к примеру, на блузке?

– Нет.

– А на каком-нибудь из колец не было ли у нее инициалов?

– Не думаю. Я, во всяком случае, не заметила.

– Откуда она появилась, вы тоже не видели?

– Нет.

– Знай мы только, из какой машины она выбралась...

– Понятия не имею. Мы были уже у своего авто, когда она шагнула нам навстречу.

– А что за машина была припаркована рядом с вашей?

Кристина нахмурилась, пытаясь вспомнить, что же там стояло.

Пока она думала, Чарли изучал ее лицо, выискивая в нем несовершенства. Он знал, что в этом мире нет ничего идеального. У всего есть хотя бы один недостаток. Даже бутылка хорошего вина могла быть подпорчена плохой пробкой или избытком дубильной кислоты. Даже у «роллс-ройса» встречались мелкие недостатки. Или взять печенье с арахисовой пастой. Вкуснейшая вещь, но от нее полнеют.

Но как бы старательно он ни изучал лицо Кристины Скавелло, с ним все было в полном порядке. Да, нос узковат, и лоб слишком высокий. Но это ничуть не портило ее, скорее придавало ее внешности своеобразное очарование...

«Да что это со мной такое? Хватит уже вести себя будто влюбленный до умопомрачения школьник».

С одной стороны, Чарли нравилось, как он себя чувствовал. Было в этом что-то бодрящее. С другой стороны, подобные чувства слегка раздражали его, поскольку он *не понимал*. А Чарли важно было понимать. Для того он и пошел в детективы – ради ответов, ради понимания.

– Я вспомнила. – Кристина очнулась от своих раздумий. – Рядом с нами был припаркован не автомобиль, а фургон.

– Фургон? Что за фургон?

– Белый.

– В смысле – какой марки?

Она снова нахмурилась.

– Старый или новый? – спросил Чарли.

– Новый. Безупречно чистый.

– Вы не заметили, были на нем какие-нибудь вмятины, царапины?

– Нет. Если не ошибаюсь, это был «форд».

– Прекрасно. Не знаете, какого года?

– Нет.

– Машина для отдыха, верно? С такими круглыми окошками, а может, даже и с росписью по бокам?

– Нет. Очень практичный фургон. Такие обычно используют для работы.

– Вы не заметили названия фирмы?

– Нет.

– А что-нибудь типа рекламных объявлений?

– Тоже нет. Совершенно белый фургон.

– Номера не запомнили?

– Я их не видела.

– Вы обошли фургон сзади. Заметили, что это был «форд». Наверняка вам попались на глаза и номера.

– Возможно, но я не обратила на них внимания.

– При необходимости мы могли бы получить их от вас под гипнозом. Что ж, по крайней мере, у нас есть с чего начать.

– Ну да, при условии, что она действительно вышла из фургона.

– Используем это в качестве отправной версии.

– Скорее всего, вы ошибаетесь.

– Не обязательно.

– Она могла появиться откуда угодно.

– Поскольку нам все-таки нужно начать с чего-то, почему бы не начать с фургона?

– А вдруг ее машина вообще была в другом ряду и мы просто теряем время? Я не хочу терять время. Уж она-то этого точно делать не будет. Меня мучает ужасное предчувствие... мне кажется, времени у нас почти не осталось.

Нервная дрожь сотрясала все ее тело. Только тут Чарли понял, каких трудов ей стоило сохранять самообладание.

– Успокойтесь, – сказал он, – постарайтесь расслабиться. Мы не допустим, чтобы что-то случилось с вашим сыном.

– Он такой славный мальчик. – Голос у нее дрогнул. – В Джоуи вся моя жизнь... он для меня центр вселенной. Если с ним что-то произойдет...

– Уверяю вас, все будет в порядке.

Она расплакалась. Без рыданий и без истерики. Просто всхлипнула пару раз, и слезы градом покатались у нее по щекам.

Чарли быстро встал, пытаясь побороть чувство неловкости. Ему хотелось утешить ее, помочь ей справиться с нервами.

– Пожалуй, вам не помешает глоточек спиртного.

Кристина покачала головой.

– Это всегда помогает.

– Я почти не пью, – выдавила она, даже не пытаясь справиться с потоком слез.

– Всего одну рюмку.

– Слишком рано, – возразила она.

– Уже половина двенадцатого. Почти обед. Смотрите на это как на прием лекарства.

Чарли подошел к бару, который находился в углу, возле большого окна. Открыв дверцу, он достал бутылку «Чивас Ригал». Затем взял чистый бокал и плеснул туда две унции скотча.

Закрывая бутылку, он мимоходом взглянул в окно... и замер. Прямо через дорогу был припаркован белый фургон. Новенький, блестящий «форд», без признаков рекламы. Бросив взгляд поверх развесистых листьев финиковой пальмы, которая доросла аж до пятого этажа, Чарли увидел мужчину в темных брюках и темной рубашке. Тот стоял, небрежно прислонившись к фургону.

Совпадение.

Мужчина что-то жевал. Просто рабочий, который устроился на тихой улочке, чтобы немного перекусить. Вот и все, никаких вам загадок.

Простое совпадение.

Или нет? Человек у фургона, похоже, наблюдал за зданием. Жевал свой обед и в то же время вел наблюдение. Чарли не раз случалось заниматься тем же самым, и он прекрасно знал, как выглядит такой наблюдатель. Мужчина у фургона явно следил за кем-то, но делал это не как профессионал, а как любитель – слишком явно.

– Что-то не так? – раздался голос Кристины.

Его удивила ее пронизательность, умение настроиться на его волну. А ведь она все еще плакала, все еще была на нервах.

– Надеюсь, вам нравится скотч. – Он отошел от окна и протянул ей бокал.

Она приняла его без дальнейших возражений. Взяв бокал двумя руками, сделала пробный глоточек.

– Пейте сразу, – сказал Чарли. – Пара глотков – и готово. Дайте виски сделать свое дело.

Она послушно проглотила спиртное. По тому, как Кристина содрогнулась, было видно, что пьет она и правда нечасто.

Чарли забрал у нее пустой бокал, ополоснул его в раковине и поставил сушиться.

Потом выглянул в окно.

Белый фургон по-прежнему был на месте.

Как и мужчина в темной рубашке, который жевал что-то с заученной небрежностью.

– Ну как, получше? – спросил Чарли, возвращаясь к Кристине.

Лицо ее слегка порозовело. Она кивнула:

– Простите, что расклеилась прямо у вас в офисе.

Чарли присел на краешек стола:

– Не стоит извинений. Большинство на вашем месте вовсе лишилось бы дара речи. Только бормотали бы что-то несвязное. Вы еще хорошо держитесь.

– Что-то мне не кажется, что я так уж хорошо справляюсь. – Достав из сумки носовой платок, она вытерла слезы. – Но вы правы. Какая-то чокнутая старуха – еще не конец всему.

– Именно.

– Не так уж трудно будет разобраться с одной-единственной сумасшедшей.

– Мне нравится ваш настрой, – улыбнулся Чарли.

А сам подумал: «С одной-единственной сумасшедшей? А кто же тогда тот парень у фургона?»»

8

Грейс Спайви сидела на твердом дубовом стуле, ее ледяные глаза поблескивали во мраке. В мире духов сегодня был красный день – краснее она еще не видывала. Чтобы не нарушать гармонии, Грейс тоже оделась во все красное. Вот и вчера, когда мир духов проходил через зеленую фазу, она была одета во все зеленое. Большинство людей и не подозревает, что мир духов день ото дня меняет свой цвет. Впрочем, большинство людей не в состоянии увидеть сверхъестественную реальность так же отчетливо, как Грейс, когда она настраивалась на эти энергии. Да что там, почти все они слепы в этом плане, а потому ее манера одеваться кажется им в лучшем случае смешной.

Но для Грейс с ее экстрасенсорными способностями важно было оставаться в гармонии с тем цветом, который преобладал в мире духов. Это открывало ей путь к видениям прошлого и будущего. Свои видения она получала от благожелательно настроенных духов, которые передавали свои послания с помощью ярко раскрашенных энергетических лучей. И сегодня эти лучи сияли всеми оттенками красного.

Попытайся она растолковать это простым людям, ее наверняка сочли бы чокнутой. Несколько лет назад собственная дочь отправила Грейс на психиатрическую экспертизу. Но Грейс сумела выскользнуть из ловушки. Порвав все связи с дочерью, она стала вести себя гораздо осторожней.

Сегодня на Грейс были темно-красные туфли, блузка в полоску, тоже красная, но посветлее. На шее висели бусы из малинового бисера. В тон им были и браслеты на запястьях. Дополняла картину алая, как кровь, фарфоровая брошь, два кольца с рубинами и кольцо с крупным сердоликом, отполированным до блеска. Четыре других кольца – пунцовая эмаль, алый фарфор и простое стекло – тоже были подобраны в тон наряду. Все камни – будь то драгоценные, полудрагоценные или подделки – мерцали и искрились в свете свечей.

Языки пламени, танцующие на острие фитилей, бросали причудливые тени на подвальные стены. Комната, несмотря на свои внушительные размеры, выглядела маленькой, поскольку свечи сгучились в одном ее конце, три четверти помещения оказались за пределами этого янтарного свечения. Всего тут было одиннадцать свечей в медных подсвечниках. И каждый такой подсвечник сжимал в руке один из последователей Грейс. Они с нетерпением ждали, когда она начнет говорить. Пять женщин и шестеро мужчин. Самых разных возрастов, как старые, так и молодые. Все они устроились полукругом на полу, возле стула, на котором восседала Грейс. Обращенные вверх лица казались странно искаженными в неверном свете свечей.

Число приверженцев Грейс не ограничивалось этой горсткой. Еще пятьдесят с лишком находились в комнате этажом выше, стгорая от желания узнать, что за информация поступит во время сеанса. Еще больше тысячи было разбросано по всей стране – верные исполнители ее воли.

Но те одиннадцать, что сидели сейчас у ног Грейс, были ее передовым отрядом, ее доверенными лицами. Их она ценила больше всего.

Она даже знала каждого из них по имени, хотя в эти дни не без труда запоминала имена (как и многое другое). Все изменилось с тех пор, как на нее сошел Дар. Он наполнил ее разум и душу, вытеснив многое из того, что прежде казалось само собой разумеющимся – вроде способности запоминать лица и имена. Или умения отслеживать время. Грейс перестала отдавать себе отчет в том, сколько сейчас времени. Сам вид часов утратил для нее смысл. Ни к чему было больше отмерять время по часам и минутам. Обычным людям все еще требовались эти искусственные подпорки, но Грейс в них больше не нуждалась. Порой, когда ей казалось, что прошел лишь день, выяснялось, что пролетела целая неделя. С одной стороны, это пугало, с другой – наполняло восторгом. Все эти нестыковки служили напоминанием о том, что она осо-

бая, что она – Избранная. Еще Дар вытеснил из ее жизни сон. Бывали ночи, когда ей вовсе не удавалось сомкнуть глаз. Но чаще всего она спала по часу-полтора, но никогда не больше двух часов в сутки. Но и это не имело значения, потому что Грейс уже не нуждалась во сне. Дар вытеснил все, что могло помешать той великой и священной работе, которая была возложена на Грейс.

И все же она помнила имена этих одиннадцати, которые могли служить образцом для всей ее паствы. Лучшие из лучших – вот кем они были. Незапятнанные души, на которые возлагались особые надежды.

Кроме них, в подвале был еще один человек. Звали его Кайл Барлоу. Тридцати двух лет, но на вид куда старше. Серьезный и угрюмый, он излучал угрозу. Прямые каштановые волосы Кайла были густыми, но без блеска. Высокий лоб обрывался навесом из кости, под которым поблескивали глубоко посаженные глаза, смотревшие на мир с насмешкой и недоверием. Крупный нос Кайла никто бы не назвал гордым или царственным: его так часто ломали в драке, что он давно утратил первоначальный вид. Скулы и челюсть массивные, грубоватых очертаний, будто природа потрудились над ними без особого усердия. Почти все в Кайле было непомерно большим и массивным, и лишь губам явно не хватало объема. Они были до того узкие и бледные, что рот казался всего лишь прорезью на лице. Благодаря немислимо широким плечам, мускулистым ручищам и широкой груди Кайл смотрелся настоящим гигантом. Он выглядел так, будто ему ничего не стоило сломать человека пополам... и будто именно это было его любимым развлечением.

Но за последние три года – с тех пор как Кайл стал приверженцем Грейс, а затем и самым доверенным ее лицом – он не поднял руки ни на одного человека. До встречи с Грейс он был настоящим нелюдимом, мрачным и жестоким. Но те дни давно канули в прошлое. За угрожающим фасадом Грейс разглядела чистую душу. Да, Кайл сбился с пути, но ему не терпелось вернуться на стезю добродетели (даже если сам он тогда об этом и не подозревал). Всего-то и требовалось, чтобы кто-то показал ему путь. Грейс вывела его из тьмы, и он послушно последовал за ней. Отныне его железные кулаки и мощные ручищи не сразят ни одного добродетельного человека. Нет, они обрушатся лишь на врагов Господа – и не раньше, чем Грейс прикажет уничтожить их.

Врагов Господа она видела насквозь. Способность с первой же секунды распознать безнадежно больную душу была лишь малой частицей того Дара, который она получила от Бога. Ей хватало одного взгляда, чтобы понять, есть ли у человека надежда на искупление, или же он глубоко порочен. Лишь ей, Избранной, принадлежал такой Дар. Ей, и никому больше. Она слышала зло в голосах падших, прозревала его в их глазах. Им не под силу было обмануть ее.

Многие, получи они такой же Дар, начали бы сомневаться в себе. Может, даже сочли бы себя безумными. Многие, но не Грейс. Ей и в голову не приходило сомневаться в своей избранности. Она твердо знала, что права в своих суждениях, потому что так ей сказал Господь.

Грядет тот день, когда она призовет-таки Кайла (и кое-кого еще) и повелит ему обрушиться на приспешников Сатаны. Она будет указывать на злые души, а Кайл уничтожать их. Вот и сейчас, сидя на твердом стуле в подвале собственной церкви, в окружении самых преданных учеников, Грейс содрогалась от предвкушения. Ей выпадет ни с чем не сравнимая радость наблюдать, как мощные ручищи Кайла обрушатся со всей силой на неверных и сатанистов.

Время это уже не за горами. Скоро. Скоро грядут Сумерки.

Она мигнула, глядя на огонек свечи.

– Вы готовы, Мать Грейс? – тихо спросил Кайл.

– Да.

Грейс закрыла глаза. На мгновение ее окутала тьма, но Грейс тут же установила контакт с миром духов. За закрытыми веками замигали огни. Вспышки и пятна, линии и зигзаги, целые фонтаны огней. Свет разбивался на образы и формы – и тусклые, и ослепительно-яркие,

исключительно красных тонов. А как же? Она погружалась в царство духов и спектральных энергий, а там сегодня был красный день. Наикраснейший из всех, какие ей только доводилось видеть.

Вокруг нее роились бесчисленные духи. Вместе с ними Грейс двинулась прочь, будто погружаясь в мир, который был нарисован на внутренней стороне ее век. Сначала она двигалась медленно, ощущая, как душа все больше отделяется от тела. Она еще осознавала тот временной план бытия, на котором существовало ее тело: запах горящих свечей, плотную поверхность дубового стула, еле различимый шепот кого-то из учеников. В конце концов и это исчезло. Она двинулась, затем полетела, затем стремительно понеслась в пронизанной светом пустоте со скоростью, которая сначала радовала, потом сводила с ума...

Внезапная тишина.

Она погрузилась в самую глубь мира духов. Висела неподвижно, будто астероид, подвешенный в отдаленном уголке Вселенной. Она утратила всякую связь с миром, оставленным где-то позади, не видела и не слышала его. Духи всех форм и очертаний носились в красном мерцании по просторам безграничной ночи. Одни двигались быстро, другие – медленно. Одни устремлялись к цели, другие просто крутились на месте. Их задачи и священные обязанности были выше понимания Грейс.

Ей вспомнился мальчик, Джоуи Скавелло. Грейс знала, кто он такой, как знала и то, что он должен умереть. Вот только не знала, настало ли это время. В мир духов она отправилась с одной-единственной целью – выяснить, что и когда следует сделать с ребенком.

Грейс надеялась, что ей прикажут убить его. Ей не терпелось его убить.

9

Пары глотков виски оказалось достаточно, чтобы Кристина Скавелло немного успокоилась. Она больше не плакала и не сжимала руки, но в позе ее все еще чувствовалось напряжение.

Чарли все так же сидел на краешке стола.

– До тех пор, пока мы окончательно не разберемся, с кем имеем дело, имеет смысл приставить к Джоуи парочку телохранителей.

– Хорошо. Давайте так и сделаем.

– Мальчик ходит в школу?

– В подготовительный класс. В школу он пойдет осенью.

– О занятиях придется забыть до тех пор, пока все это не уляжется.

– Это не уляжется само собой, – колко заметила Кристина.

– Я вовсе не имею в виду, что мы собираемся пассивно ждать, пока все закончится. Как только мы положим конец нападкам на мальчика, Джоуи сможет вернуться к занятиям.

– Думаете, двух телохранителей будет достаточно?

– На самом деле речь идет о шести. Три пары, каждая из которых будет работать по восемь часов в сутки.

– Это значит, во время каждой смены с ним будет всего два человека, и я...

– Они справятся. Это опытные ребята. Однако подобные услуги обходятся недешево.

Если вы...

– Я могу себе это позволить, – отрезала Кристина.

– Моя секретарша даст вам прайс-лист...

– Разумеется. Я оплачу все, что требуется.

– А как насчет вашего мужа?

– В смысле?

– Ну, как он относится к этой истории?

– У меня нет мужа.

– А-а... Прошу прощения, если...

– Не стоит извиняться. Я не вдова и не в разводе.

Сказано это было все с той же прямолинейностью, которую сразу подметил в ней Чарли. Ему нравилось ее нежелание хитрить и увиливать от ответов.

– Я никогда не была замужем.

– Ясно.

Чарли не сомневался, что в его голосе не было ни капли неодобрения, но Кристина тут же подобралась, будто своим замечанием он оскорбил ее.

– Что вы хотите этим сказать?

Было видно, что рассердилась она не на шутку.

– Что беретесь за дело только после того, как удостоверитесь в моральной благонадежности клиента?

Чарли поразила эта резкая смена тона.

– Конечно нет. Я просто...

– Я не собираюсь сидеть здесь, будто преступник в ожидании суда...

– Стоп. Стоп. Стоп. Что не так? Что такого я сказал? Бог ты мой, да мне без разницы, были вы замужем или нет.

– Прекрасно. Раз с этим покончено, почему бы не поговорить о том, как именно вы намерены выследить ту старуху?

Несмотря на сдержанный тон, во взгляде ее по-прежнему читался гнев.

Чарли не мог понять, откуда эта болезненная реакция на то, что у ее сына нет законного отца. Конечно, ситуация не из приятных, и ей наверняка хотелось бы, чтобы все сложилось иначе. Но на подобные вещи в обществе давно смотрели сквозь пальцы. А она реагирует так, будто на дворе не восьмидесятые годы, а сороковые.

– Я и правда не придаю этому значения, – повторил он.

– Чудесно. Рада, что встретила человека с такими передовыми взглядами. Будь моя воля, обязательно вручила бы вам Нобелевскую премию за человеколюбие. Ах да, не могли бы мы вернуться к нашему расследованию?

Да что с ней такое, продолжал дивиться Чарли. Он был только рад, что у нее нет мужа. Неужели она не чувствует его интереса к ней? Большинство женщин обладает в этом плане непревзойденным шестым чувством.

– Если я раздражаю вас, – сказал Чарли, – мы могли бы отдать это дело одному из моих помощников.

– Нет, я вовсе...

– Это очень хорошие, надежные специалисты. Но я бы хотел заверить, что у меня и в мыслях не было смеяться над вами или осуждать вас. Я ничуть не похож на того копа, который читал вам сегодня утром нотацию.

– Офицер Уилфорд.

– Я не Уилфорд, я проще смотрю на жизнь. Ну что, мир?

Помедлив, она кивнула. Напряжение ушло, а вместе с ним и гнев, уступив место смущению.

– Простите, что сорвалась, мистер Харрисон.

– Все в порядке. И зовите меня Чарли, – улыбнулся он. – Нам все же необходимо поговорить об отце Джоуи, поскольку есть вероятность, что он как-то связан с этим.

– Со старухой?

– Ну да.

– Сомневаюсь.

– Может, ему нужна опека над сыном.

– Тогда почему просто не прийти и не поговорить со мной?

Чарли пожал плечами:

– Люди не всегда руководствуются здравым смыслом.

– И все-таки это не отец Джоуи, – покачала головой Кристина. – Насколько мне известно, он даже не догадывается о его существовании. К тому же та чокнутая кричала, что Джоуи должен умереть.

– Тем не менее мы не можем исключить такую возможность. Нам придется коснуться этой темы, даже если она... очень болезненна для вас.

– Все дело в том, что, когда я забеременела, это едва не убило Эвелин, мою мать. Она возлагала на меня такие надежды... а тут эта беременность. Она обвинила меня во всех смертных грехах. Никогда еще я не чувствовала себя такой никчемной, – вздохнула Кристина. – Может, именно поэтому я так переживаю, что Джоуи... незаконнорожденный.

– Понимаю.

– Нет, это невозможно понять. Надо знать...

Чарли терпеливо ждал продолжения. Он умел слушать. Это было частью его профессии.

– Эвелин... моя мать... не очень-то любит Джоуи. Если бы она могла, то вовсе вычеркнула бы его из своей жизни. Порой она обращается с ним, будто он... дурной, или порочный, или бог знает что еще. Это глупо, это мерзко, но совершенно в духе моей матери – обвинять его в том, что моя жизнь сложилась не так, как ей хотелось бы.

– Если ваша мать терпеть не может Джоуи, нельзя ли предположить, что именно она стоит за инцидентом со старухой?

Кристина поежилась, но тут же покачала головой:

– Однозначно нет. Она бы не пошла на такое. Эвелин привыкла действовать без обиняков. Если ей что-то не нравится, она выскажет это в лицо, даже если будет знать, что каждое ее слово ранит не хуже ножа. Но настраивать подруг против моего мальчика... это не в ее стиле.

– Возможно, она не вовлечена в это напрямую. Но представим на минутку, что она нелестно отзывалась о вас и о Джоуи в присутствии других людей. И в числе их могла оказаться та пожилая особа, которую вы встретили у торгового центра. Ваша мать обронила что-то в сердцах, даже не понимая, что та женщина не в себе, что она воспримет все буквально и решится действовать. Могло так быть?

– Даже не знаю. – Кристина с сомнением покачала головой.

– Я и сам не очень верю в подобное развитие событий, и все же это возможно.

– Допустим.

– Расскажите мне, что представляет собой ваша мать.

– Уверяю, она никак не замешана в историю с Джоуи.

– И все же расскажите, – не отступал Чарли.

– Про таких, как моя мать, говорят, что это люди без сердца, – вздохнула Кристина. – Вряд ли вы поймете. Чтобы понять, нужно пожить с ней в одном доме. Все эти годы она держала меня в полном повиновении... в страхе. Я не смела вздохнуть... не смела ослушаться...

Все эти годы...

Мысли Кристины против ее воли унеслись назад. В груди у нее заныло, дышать стало трудно. Всякий раз, когда она вспоминала детство, ее накрывало волной удущья.

Перед глазами возник викторианский дом в Помоне, который Эвелин, урожденная Джаветти, унаследовала от своей матери. Они поселились там, когда Кристине был год. Память о доме, где по-прежнему жила ее мать, была для Кристины тяжким грузом. Со стороны дом выглядел очень мило: белый, с бледно-желтыми наличниками и карнизами, со множеством окон, в которые щедро лился солнечный свет. Но в памяти Кристины дом походил на чудовище, притаившееся в тени под сумрачно-серым небом, в окружении по-осеннему голых деревьев. Слух мгновенно наполнился тиканьем старинных часов, висевших в гостиной. Этот монотонный звук служил отражением ее детских переживаний, напоминая о том, что ее жалкому существованию не будет конца. Миллионы свинцовых секунд грозили обернуться такой же свинцовой вечностью. Каждая комната, на которую падал ее мысленный взор, представлялась битком набитой мебелью, хотя Кристина подозревала, что это память разгоняла тиканье часов до предела и окрашивала мебель в темные тона, почти не оставляя между ней прохода.

На отца Кристины, Винсента Скавелло, жизнь в этом доме производила такое угнетающее впечатление, что он взял и сбежал. Сбежал из семьи, когда Кристине было четыре, а ее брату Тони – одиннадцать. Больше она отца не видела. Он был слабым человеком, с комплексом неполноценности, а Эвелин с ее завышенными критериями и вовсе убила его веру в себя. Что бы он ни делал, ей это казалось недостаточным. Кристине и Тони тоже не суждено было дотянуться до этой планки. Не в силах оправдать ожидания своей жены, Винсент начал пить, после чего она стала пилить его еще сильнее. В результате он взял и ушел. Умер он спустя два года. По сути, совершил самоубийство, хотя в его случае обошлось без пистолета. Он сел пьяным за руль и на скорости семьдесят миль в час врезался в опору моста.

На следующий день после ухода мужа Эвелин вышла на работу. Она не просто содержала семью, но делала это с привычным для нее блеском, что лишь усложняло жизнь ее детям. «Надо быть лучшим во всем, что делаешь, а иначе и вовсе не стоит за это браться», – вбивала она им в голову день за днем.

Особенно запомнился Кристине один тяжелый, наполненный переживаниями вечер, который они провели за кухонным столом. В тот день Тони принес домой табель с тройкой по математике – недопустимый промах в глазах Эвелин, смягчить который не смогли отличные

оценки, полученные по другим предметам. Мало того, в тот же самый день Тони досталось от директора школы за то, что мальчик пытался курить в туалете. Это был первый раз, когда Тони взялся за сигарету – так, для пробы. Всего лишь эксперимент, типичный для четырнадцатилетнего подростка. Однако Эвелин пришла в ярость. В тот вечер воспитательная беседа затянулась на три часа. Эвелин то сидела за столом, уронив голову на руки, то вышагивала по кухне. Она кричала, плакала, умоляла, колотила кулаком по столу. «Ты Джаветти, Тони. В тебе больше от Джаветти, чем от Скавелло. Хоть ты и носишь фамилию отца, моя кровь в тебе сильнее. Иначе и быть не может. Меня убивает сама мысль о том, что ты взял от бедняги Винсента столько же, сколько от меня. Один Господь знает, что выйдет из тебя в этом случае. Знай, что я этого не потерплю! Я работаю как проклятая, чтобы дать тебе шанс на лучшую жизнь, и я не позволю плевать мне в лицо. Валять дурака в школе, валять дурака на уроках математики – все равно что плевать мне в лицо!»

Злость уступила место слезам. Встав из-за стола, она достала из пачки пару бумажных платков и шумно высморкалась.

«Что толку переживать из-за тебя, что толку заботиться о твоём будущем, если тебе на это плевать! В тебе лишь пара капель крови твоего отца, пара жалких капель, но и этого достаточно, чтобы испортить все подчистую. Одно слово – болезнь. Болезнь Скавелло. Но ты еще и Джаветти, а Джаветти учатся и работают на пределе своих сил. И это правильно! Так и нужно, потому что Бог создал нас не для того, чтобы мы бездельничали и пропивали свою жизнь, как кое-кто, чье имя мне не хотелось бы упоминать. Ты должен учиться только на отлично. А если тебе не дается математика, надо работать усерднее, пока не получишь свою пятерку. Без математики в этом мире не обойтись. Вспомни своего отца: бедняга Винсент всегда был не в ладах с цифрами, а я содрогаюсь даже при мысли о том, что ты станешь таким, как он. Не хочу, чтобы мой сын превратился в бездельника, а в тебе уже начинает просвечивать что-то от твоего отца. Но ведь ты еще и Джаветти – никогда не забывай об этом! Джаветти делают все, на что они способны. И не говори мне, что ты и так проводишь все свободное время за книжками, а по выходным еще и работаешь в магазине. Работа тебе только на пользу. Я нашла тебе это место, потому что любой подросток, у которого нет подработки, – это готовый бездельник.

Да что там, даже несмотря на учебу и работу в магазине, у тебя еще слишком много свободного времени. Тебе не помешало бы поработать на рынке пару вечеров в неделю. При желании на это *всегда* можно найти время. Господь создал мир всего за шесть дней, и не говори мне, что ты не Господь. Если бы ты внимательно читал катехизис, то знал бы, что создан по Его образу и подобию. К тому же ты Джаветти, а это значит, что ты уподоблен Господу чуть больше, чем некоторые... вроде твоего непутевого отца.

Взгляни на меня! Я работаю с утра до ночи, но это не мешает мне готовить вам сытную еду. С помощью Кристины я содержу этот огромный дом в безупречной чистоте. Видит Бог, так оно и есть. И если иногда мне кажется, что еще немного – и я упаду от усталости, я все-таки продолжаю крутиться, продолжаю делать свое дело. И все ради вас! Ради тебя с Кристиной. Твоя одежда всегда тщательно выглажена... скажешь – нет? Твои носки выстираны и заштопаны. Вспомни хоть раз, когда тебе приходилось носить дырявый носок! Так вот, если я делаю все это без слова жалобы, то в тебе я хочу видеть сына, которым могу гордиться. Что касается тебя, Кристина...»

Эвелин не уставала поучать их. День за днем, без перерыва на праздники и выходные. Кристина и Тони безоговорочно внимали ее словам, не решаясь возразить, поскольку это могло навлечь на них только насмешки и наказания... не говоря уже о новой порции нравоучений. Эвелин безжалостно толкала их вперед, требуя от них все новых и новых достижений... что само по себе было даже неплохо. В принципе это могло пойти детям на пользу. Но когда они действительно получали лучшую оценку или высшую из наград, занимали первое место в соревнованиях и достигали других успехов, их матери все равно было мало. Когда они под-

нимались на очередную вершину, то слышали от нее не похвалы, а упреки. Она ругала их за то, что они могли бы достичь своего быстрее, и ставила перед ними новые цели. Они только и делали, утверждала Эвелин, что испытывали ее терпение, тогда как хорошие дети сделали бы все, чтобы мать ими гордилась.

Если нотаций было недостаточно, она прибегала к самому действенному средству – к слезам. Она плакала, во всеуслышание обвиняя себя в их неудачах: «Я знаю, вы оба кончите плохо, и это моя, только моя вина. У меня не получилось достучаться до вас, показать вам, к чему нужно стремиться. Что бы я ни делала, этого было недостаточно. Я не сумела помочь вам победить ту кровь Скавелло, которая течет в ваших жилах. Я не знала, как это сделать, а должна была знать, должна! Ну что я после этого за мать?»

Казалось бы, давно это было.

А по ощущениям будто вчера.

Кристина мало что могла рассказать Чарли Харрисону о своем удушливом детстве, прошедшем среди тяжелой викторианской мебели, под тяжким гнетом викторианской вины. Ей потребовались бы часы, чтобы поведать ему обо всем. Вдобавок она была из тех, кто не склонен делиться подробностями своей жизни даже с близкими людьми, не говоря уже о чужаках. А Чарли, каким бы симпатичным он ни казался, был для нее человеком посторонним. Она лишь намекнула ему парой фраз на свое прошлое, но по сочувственному выражению его лица было ясно, что он угадал многое из того, о чем Кристина предпочла умолчать.

– Тони пришлось хуже, чем мне, – сказала она детективу. – Эвелин всегда хотела, чтобы он стал священником. В ее роду уже было двое священников, и ни к кому в семействе не относились с таким почтением, как к ним.

Даже если не брать в расчет семейную историю, Эвелин, будучи чрезвычайно религиозной, все равно стала бы подталкивать Тони к духовной стезе. Ее тактика оказалась вполне успешной, и мальчик после приходской школы сразу пошел в семинарию. Да и выбора у него не было: Эвелин настолько промыла ему мозги, что он и представить себя не мог никем, кроме священника.

– Эвелин надеялась, что Тони станет приходским священником, – пояснила Кристина, – а позже дорастет до монсеньора и даже до епископа. Она привыкла ставить перед нами высокую планку. Но Тони, давая обет, попросил, чтобы его привлекли к миссионерской деятельности, и его отправили в Африку. Мать была ужасно расстроена. Видите ли, в церкви, как и в правительстве, есть своя иерархия, и для того, чтобы подняться повыше, надо постоянно интриговать. Но ты не сможешь отираться в коридорах власти, если сидишь в каком-нибудь отдаленном уголке Африки. Словом, мать была в ярости.

– Ваш брат выбрал миссионерскую деятельность специально в пику матери? – поинтересовался Чарли.

– Нет. Видите ли, мать рассчитывала, что Тони, став священником, поможет нашей семье возвыситься в глазах окружающих. Но Тони отнесся к своему обету серьезно – для него это была возможность служить другим людям.

– Он все еще в Африке?

– Он умер.

– Ох, простите, – встрепенулся Чарли. – Я не хотел...

– Это давняя утрата, – вздохнула Кристина. – Одиннадцать лет назад, когда я заканчивала школу, Тони погиб от рук террористов, африканских революционеров. Первое время мать была безутешна, но потом горе уступило место какой-то извращенной злости. Она злилась на Тони, что тот позволил убить себя... как будто он сбежал от нее, повторив судьбу своего отца. Она сделала все, чтобы я почувствовала себя обязанной расплатиться за ошибки брата и отца. Я тогда была сама не своя от переживаний... мучаясь виной непонятно за что. Я сказала, что

хочу стать монахиней, и Эвелин... моя мать... тут же ухватилась за это. В общем, после школы по ее настоянию я ушла в монастырь, о чем потом горько пожалела.

Прошло уже столько времени, но Кристина живо помнила, каким неожиданно тяжелым оказался наряд послушницы, до чего грубой была черная ткань одеяния. Непривычная к такой свободной одежде, она постоянно цеплялась подолом за мебель и дверные ручки. Монашеская униформа, сон на узенькой койке в тесной каменной клетушке, добровольное заточение в унылом однообразии монастыря – все это осталось с Кристиной, несмотря на ее попытки забыть. Эти Потерянные Годы до того походили на ее жизнь в викторианском доме, что при воспоминании о них, как и при воспоминании о детстве, у Кристины болезненно сжималось в груди и становилось трудно дышать.

– Вы были... монахиней? – Чарли Харрисон не мог скрыть свое удивление.

– Да.

Чарли попытался представить эту чувственную, полную жизни женщину в монашеском одеянии... и не смог. Ему не хватало воображения.

Но теперь ему хотя бы стало ясно, откуда в ней это удивительное внутреннее спокойствие. Два года молитвенной и созерцательной жизни, два года, проведенные вдали от повседневной суеты, наложили на нее неизгладимый отпечаток.

И все же это никак не объясняло того внезапного магического притяжения, которое он испытал с первых минут встречи. Загадка, да и только. Приятная, но все же загадка.

– Я продержалась два года, пытаюсь убедить себя в том, что монашеская жизнь – мое призвание. Все без толку. Мой уход из монастыря стал для Эвелин очередным ударом. Мы все подвели ее – никто не оправдал ее надежд. Через пару лет, когда я забеременела, она и вовсе пришла в ужас. Как же, ее дочь, которая могла стать монахиней, превратилась в женщину сомнительной нравственности, мать незаконнорожденного ребенка! Она сделала все, чтобы я мучилась стыдом и раскаянием.

Кристина умолкла, пытаясь справиться с эмоциями.

Чарли ждал. Терпения ему было не занимать.

– К тому времени меня уже трудно было назвать католичкой. Я больше не ходила к мессе и не чувствовала связи с религией. И все же мысль об аборте меня ужасала. Я сохранила Джоуи и никогда не жалела об этом.

– А ваша мать так и осталась при своем мнении?

– Да. Мы общаемся время от времени, но между нами по-прежнему пропасть. И она не желает иметь дело с Джоуи.

– Печально, что и говорить.

– По иронии судьбы, едва ли не с того дня, как я забеременела, моя жизнь круто повернулась к лучшему. Объединившись с Вэл Гарднер, мы начали свое дело – открыли магазин «Обед гурмана». К тому времени, когда Джоуи исполнился год, я уже могла поддерживать свою мать. Я добилась большого успеха, но все это не имеет для нее ни малейшего значения. Ведь я могла стать монахиней, а стала матерью-одиночкой. Каждая наша встреча – лишь повод обрушить на меня град упреков.

– Теперь мне понятно, почему вы так болезненно реагируете на это.

– До того болезненно, что вчера... когда на нас набросилась эта гарпия... в глубине души я подумала, уж не судьба ли это.

– В смысле?

– Может, я обречена потерять Джоуи. Может, это неизбежно... даже предопределено.

– Что-то я вас не понимаю.

Она помедлила, видимо собираясь с духом. Стыд, гнев и замешательство – все это читалось сейчас на ее лице.

– Кто знает... быть может... ну, вдруг это Бог хочет наказать меня? За то, что я ушла из монастыря и разбила сердце своей матери. За то, что отступилась от церкви.

– Но это...

– Нелепо, да? – слабо усмехнулась она.

– В общем, да.

– Я знаю, – вздохнула Кристина.

– Бог не мстителен.

– Я знаю, – робко повторила она. – Это глупо, нелогично... да просто смешно. Но глупые вещи иногда оборачиваются правдой. Я горжусь Джоуи. Я рада тому, что он есть в моей жизни. Но меня совсем не радует тот факт, что я мать-одиночка.

– Вы собирались рассказать мне про отца Джоуи... вдруг он как-то связан с этим делом. Как его звали?

– Люк. Точнее – Люций... Андер.

– Андер? Ниже?¹

Это его имя, Андер. Люций Андер. Но сам он просил называть его Люк.

– Странное имя.

– Не странное, а фальшивое. Он думал, должно быть, только о том, как бы стащить с меня нижнее белье, – выпалила она и тут же покраснела.

Похоже, ее привела в шок собственная откровенность, однако она не стала останавливаться.

– Все произошло во время круиза в Мексику. Знаете, одна из тех ознакомительных экскурсий, которые еще называют «Лодкой любви». – Упоминание о любви в этом контексте вызвало у нее горький смешок. – После монастыря, отработав несколько лет официанткой, я впервые позволила себе отдохнуть. С Люком я познакомилась через несколько часов после отплытия из Лос-Анджелеса. На него трудно было не засмотреться. Такой красивый... и обаятельный. Все произошло очень быстро. Он, похоже, почуял мою незащищенность, так как действовал с напором акулы. Да и я в то время была другой. Слишком робкой и застенчивой. Бывшая монашка, совершенно неискушенная в вопросах секса. Следующие пять дней мы провели вместе – по большей части, я думаю, в моей каюте... в постели. Спустя несколько недель, когда стало ясно, что я беременна, я попыталась связаться с ним. Не для того, чтобы попросить о помощи, нет. Просто я думала, он имеет право знать, что у него будет сын. – Еще один, более горький смешок. – Он оставил мне адрес и телефон... но оба оказались липовыми. Я подумывала о том, чтобы поискать его через туристическое агентство, но это было бы так унижительно.

Кристина печально улыбнулась:

– Можете поверить, с тех пор я всячески избегаю подобных «приключений». Я чувствовала себя замаранной – и этим человеком, и нашим дешевым романчиком. Мне не хотелось еще раз вляпаться во что-то подобное, и я... не то чтобы превратилась в сексуальную отшельницу, но стала куда осторожней. Может, это во мне говорит бывшая монахиня. И уж конечно, это она настаивает на том, что мне не избежать наказания. Что Господь хочет покарать меня через Джоуи.

На это Чарли не нашелся что сказать. Он привык оказывать своим клиентам физическую, эмоциональную и интеллектуальную поддержку, но духовное утешение требовало особых слов, особого подхода.

– Я слегка повернута на этой теме, – продолжила Кристина. – Не исключено, что я и вас изведу своим беспокойством. Я всегда боялась, что Джоуи может заболеть или получить травму. И это не просто материнская забота. Порой я сама не своя из-за переживаний. А тут вдруг появилась эта старая карга, которая заявляет, что мой мальчик – воплощенное зло, а

¹ Under – нижний (англ.). – Здесь и далее примеч. перев.

потому должен умереть. Она рыщет среди ночи возле нашего дома, убивает нашего пса... Кажется, будто ничто уже ее не остановит.

– Это не так, – сказал Чарли.

– Теперь, когда вы знаете кое-что о моей матери... вы все еще думаете, что она может быть замешана в этом деле?

– По правде говоря, нет. Но нельзя исключить возможность, что именно ее слова, ее жалобы привели к тому, что та сумасшедшая прицепилась к вам с Джоуи.

– Я думаю, это чистой воды случайность. Просто мы с сыном оказались не в то время и не в том месте. Попадись ей на глаза кто-то другой с ребенком, она, скорее всего, прицепилась бы к ним.

– Возможно, вы и правы, – сказал Чарли. – Но вам не о чем беспокоиться. Мы найдем эту спятившую особу и положим конец ее нападкам.

Он встал и подошел к окну. Белый фургон стоял все на том же месте. Никуда не исчез и мужчина в темной одежде. Только теперь он уже не ел, а наблюдал за входом в здание. Ноги скрещены, руки на груди.

– Подойдите-ка на минутку, – попросил Чарли.

Кристина подошла к окну.

– Как вы думаете, это не тот фургон, что стоял возле вашей машины?

– Знаете, очень похож. Просто как две капли воды.

– Но нельзя ли допустить, что это тот же самый?

– Вы думаете, за мной следят?

– А вы бы заметили слежку?

– Я была в таком состоянии... вся на нервах, – нахмурилась Кристина. – Прояви они хоть капельку осторожности, я вряд ли бы что-то заметила.

– Тогда это и правда может быть тот же самый фургон.

– А может, просто совпадение.

– Не очень-то я верю в совпадения.

– Но если за мной на самом деле следили, кто тот мужчина, что прислонился к фургону?

Они были слишком высоко, чтобы разглядеть лицо незнакомца. Оставалось лишь гадать, старый он или молодой.

– Может, муж той старухи. Или сын, – предположил Чарли.

– Целая семейка чокнутых? Быть не может.

– В жизни бывает всякое.

Чарли вернулся к столу и набрал номер Генри Рэнкина, одного из лучших своих людей. Он сообщил ему о фургоне, который был припаркован через дорогу.

– Прогуляйся мимо и запомни номер. И присмотришь к парню. Важно, чтобы позже ты смог узнать его в лицо. Постарайся ухватиться за любую деталь, но так, чтобы не вызвать подозрений. Не забудь выйти из здания через заднюю дверь – он не должен знать, откуда ты.

– Не проблема, – согласился Рэнкин.

– Как только выяснишь номер, свяжись с отделом транспортных средств и разузнай, на кого зарегистрирована машина.

– Да, сэр.

– Обо всем доложи мне.

– Понял, отправляюсь.

Чарли повесил трубку. Затем встал и снова подошел к окну.

– Будем надеяться, что это простое совпадение, – сказала Кристина.

– Напротив. Будем надеяться, что это тот самый фургон. Лучшей зацепки нельзя и пожелать.

– Но если это так и если парень, который там стоит, имеет какое-то отношение к фур-
гону...

– Разумеется, имеет.

– Значит, Джоуи угрожает не только старуха. Получается, их двое.

– Или больше.

– Простите?

– Вполне возможно, есть еще парочка других, о которых мы пока не знаем.

Птица промелькнула мимо окна.

Не по сезону теплый ветерок взъерошил пальмовые листья.

Солнце посеребрило окна машин, выстроившихся вдоль улицы.

А незнакомец в темном терпеливо ждал у фургона.

– Что за чертовщина тут творится? – спросила Кристина.

10

В глухом пространстве подвала, где не было ни единого окна, лишь одиннадцать свечей боролись с наползающей тьмой.

Одиннадцать учеников не издавали ни звука. Только прерывистое дыхание Грейс Спайви, которая все глубже погружалась в транс, нарушало благоговейную тишину.

Кайл Барлоу тоже сидел неподвижно, несмотря на значительное неудобство. Дубовый стул оказался слишком мал для него. Сам стул был тут ни при чем: любой другой устроился бы на нем с полным комфортом. Но рядом с Барлоу большая часть мебели выглядела так, будто ее спроектировали гномы. Ему нравились широкие мягкие стулья и старомодные кресла с подголовником, при условии что они давали достаточно простора его мощным плечам. Барлоу любил широченные кровати, удобные шезлонги и старинные ванны, в которых можно было улечься, а не сидеть с поджатыми ногами, будто ты младенец, которого моют в тазике. Свою квартиру в Санта-Ане он обставил в соответствии со своими размерами, но за пределами ее он обречен был терпеть те или иные неудобства.

Но чем глубже Мать Грейс погружалась в транс, тем меньше внимания обращал Барлоу на свой «детский» стульчик – до того ему не терпелось услышать послание из мира духов.

Барлоу боготворил Мать Грейс. Она поведала ему о грядущих Сумерках, и он поверил каждому ее слову. Сумерки. Ну а как же иначе? Мир давно катится во тьму. Предупредив Кайла о скорых потрясениях и испросив его помощи, Мать Грейс дала ему возможность искупить свои грехи. Спасти, пока не поздно, тело и душу.

До встречи с ней Барлоу с упорством, достойным лучшего применения, двигался по пути саморазрушения. В результате к двадцати девяти годам он превратился в пьяницу, драчуна, насильника, наркомана и даже убийцу. Женщины у него менялись едва ли не каждую неделю, и почти все они были наркоманками и проститутками. За это время он семь или восемь раз переболел триппером и дважды сифилисом, что с учетом его образа жизни было не так уж и много.

В тех редких случаях, когда он бывал трезв и в голове у него прояснялось, его пугало это саморазрушительное безумие. Но Барлоу оправдывал свое поведение тем, что это был не случайный всплеск насилия, а естественная реакция на бездумную, а иногда и умышленную жестокость окружающих.

Для окружающих он был чудищем, неуклюжим гигантом с лицом неандертальца, способным нагнать страху даже на медведя-гризли. Маленькие дети его боялись. Люди постарше смотрели разинув рот – кто-то открыто, а кое-кто украдкой. Некоторые откровенно посмеивались у него за спиной, перекидывались шуточками. Обычно он делал вид, что ничего не замечает, – если, конечно, у него не было желания поразмять кулаки. Но он всегда знал, что над ним смеются, и это не могло не ранить. Хуже всего были подростки – особенно молоденькие девушки. Эти открыто потешались над ним, особенно с безопасного расстояния.

Для Барлоу не было ничего проще, чем оправдать свою склонность к насилию и саморазрушению. Долгие годы твердил он себе, что его ненависть, горечь и гнев служили своего рода броней против жестокости окружающего мира. Без наплевательского отношения к собственному благополучию и тщательно возвращенной жажды мести он чувствовал бы себя незащищенным. Это мир сделал из него изгоя. Мир предпочитал видеть в нем либо громадного недотепу с лицом обезьяны, либо зловещего монстра. Недотепой Барлоу не был, но ему нравилось играть в чудовище.

Он не был плохим сам по себе – его таким сделали. Он не отвечал за свои преступления – в них были виноваты те, кто подтолкнул его к такой жизни. Именно этим он утешался большую часть времени.

До тех пор, пока не встретил Грейс Спайви.

Она показала, к чему ведет бездумная жалость к самому себе. Благодаря ей он понял, насколько жалкими и смехотворными были все его оправдания. Мать Грейс объяснила, что любой изгой способен почерпнуть в своем состоянии силу, мужество и даже гордость. Она помогла ему узреть греховность его поступков и изгнать дьявола.

Кайл понял, что его небывалую силу и невиданную способность к разрушению следует использовать лишь для того, чтобы нагнать страху на врагов Господа.

И вот теперь, пока Мать Грейс погружалась в транс, Кайл смотрел на нее с безоговорочным обожанием. Он будто не видел, что ее седые волосы давно нуждаются в расческе. Пламя свечей озаряло их золотистым сиянием, превращая в глазах Кайла в некое подобие нимба или священного ореола. Не замечал он ни мятой одежды, ни жирных пятен, ни белесой перхоти. Он видел лишь то, что хотел видеть. Спасение. Избавление от грехов.

Мать Грейс простионала. Веки ее дрогнули, но не поднялись.

Одиннадцать учеников, все так же сидевшие вокруг нее полукругом, затаили дыхание, как будто любой звук мог разбить эти хрупкие чары.

– Боже, – выдохнула Мать Грейс, как если бы увидела что-то запредельное, страшное и завораживающее в одно и то же время. – Боже! Боже мой!

Она содрогнулась. Нервно облизала губы.

На лбу у нее проступили капельки пота.

Дыхание участилось. Она то замирала, то жадно хватала воздух ртом, как человек, идущий ко дну.

Барлоу терпеливо ждал.

Мать Грейс вскинула руки, будто пытаясь ухватиться за что-то. Кольца блеснули алым в пламени свечей. Затем ладони ее вновь упали на колени, трепыхаясь, словно парочка птиц, и замерли.

Наконец она заговорила. Еле слышно, будто повторяя за кем-то чужие слова:

– Убейте.

– Кого? – спросил Барлоу.

– Мальчишку.

Ученики встрепенулись, многозначительно поглядывая друг на друга.

Дернулись огоньки свечей, заплясали по всей комнате тени.

– Речь идет о Джоуи Скавелло? – уточнил Барлоу.

– Да. Убейте его. – Голос ее звучал из неизмеримой дали. – Сейчас. Сразу.

Для всех оставалось загадкой, почему один только Барлоу мог общаться с Матерью Грейс, когда та пребывала в транс. Всех остальных она просто не слышала. Грейс Спайви была для них единственной связующей ниточкой с миром духов, проводником посланий, которые поступали с той стороны. Но лишь благодаря Барлоу с его терпеливыми и осторожными расспросами они могли быть уверены в точности этих посланий. Эта его способность, как ни одна другая, убеждала Барлоу в том, что он и правда был одним из Избранных. Слугой Господа.

– Убейте... убейте его, – повторяла она нараспев с легкой хрипотцой.

– Вы уверены, что это тот самый мальчик? – спросил Барлоу.

– Да.

– Вне всяких сомнений?

– Абсолютно.

– Как нам его убить?

Лицо у Грейс обмякло. На ее по-детски гладкой коже проступили морщины. Бледная плоть обвисла, будто сморщенная, безжизненная ткань.

– Как нам уничтожить его? – настаивал Барлоу.

Она открыла рот, но оттуда донеслось лишь невнятное хрипение.

- Мать Грейс?
- Любим... любим способом, – еле слышно отозвалась она.
- С помощью ножа, пистолета? Или нужен огонь?
- Любим способом... подойдет... но только если... действовать быстро.
- Быстро?
- Время на исходе... с каждым днем... он становится сильнее... неуязвимей.
- Важно ли соблюдать какой-нибудь ритуал? – спросил Барлоу.
- Когда убьете... сердце...
- Что насчет сердца?
- Надо... вырезать. – Голос у нее окреп, зазвучал громче.
- И что потом?
- Будет черным.
- Его сердце будет черным?
- Как уголь. И гнилым. Вы увидите...

Она выпрямилась на стуле. Пот капельками стекал у нее по лицу. Белые руки, будто полуживые моли, подергивались на коленях. Лицо уже не было таким бледным, хотя глаза оставались закрытыми.

- Что мы увидим, когда вырежем у него сердце? – спросил Барлоу.
- Червей, – сказала она с отвращением.
- В сердце мальчика?
- Да. Копошащихся червей.

Ученики о чем-то зашептались, но это уже не имело значения.

Мать Грейс до того глубоко погрузилась в транс, что ничто не могло прервать поток ее видений.

- Упершись руками в мощные бедра, Барлоу наклонился вперед:
- Что нужно сделать с его сердцем, после того как оно окажется у нас в руках?
- Ее руки снова забегали по воздуху, будто она пыталась извлечь оттуда ответ.

И вот:

- Бросьте сердце...
- Куда? – спросил Барлоу.
- В чашу со святой водой.
- С водой из церкви?
- Да. Вода останется холодной... а сердце... оно вскипит, обратится в черный дым... и испарится.

- Так мы поймем, что мальчик мертв?
- Да. Вовеки мертв. Без шанса на перерождение.
- Стало быть, есть надежда? – Барлоу весь обратился в слух.
- Да, – прозвучал уверенный ответ. – Надежда.
- Слава Богу, – сказал Барлоу.
- Слава Богу, – эхом откликнулись ученики.

Мать Грейс открыла глаза. Зевнула, моргнула, огляделась в полном замешательстве:

– Где мы? Что-то случилось? Я вся взмокла. Неужели я пропустила шестичасовые новости? Это плохо, очень плохо. Мне надо знать, что еще затевают приспешники Люцифера.

- Сейчас только полдень, – ответил Барлоу. – До новостей еще несколько часов.

Она уставилась на него тем бессмысленным, затуманенным взглядом, которым был отмечен каждый ее выход из транса.

- Кто ты такой? Что-то я тебя не припомню.
- Я Кайл, Мать Грейс.
- Кайл? – сказала она так, будто впервые услышала это имя.

Теперь уже она смотрела на него с подозрением.

– Постарайтесь расслабиться, – сказал он. – У вас было видение. Через минуту-другую вы все вспомните. Все встанет на свои места.

Он протянул ей свои широченные шероховатые ладони. Порой сразу после транса Мать Грейс ощущала себя до того потерянной и напуганной, что ей необходимо было дружеское прикосновение. Ухватившись за руки Кайла, она подпитывалась, будто от батареи, наполняясь мало-помалу физической силой.

Но не сегодня. Сегодня она отстранилась. Нахмурилась. В недоумении взглянула на свечи, на сидящих у ее ног учеников.

– Боже, до чего хочется пить! – пожаловалась она.

Один из учеников поспешил принести ей воды.

– Что вам от меня нужно? – спросила она Кайла. – Зачем вы привели меня сюда?

– Скоро вы все вспомните, – ободряюще улыбнулся он.

– Не нравится мне это место, – сказала она дрожащим голосом.

– Это ваша церковь.

– Церковь?

– Подвал вашей церкви.

– Здесь темно, – пожаловалась она.

– Здесь вы в безопасности.

Она надулась, будто трехлетний ребенок. На лице ее проступила гримаса недовольства.

– Я боюсь темноты. – Она обхватила себя за плечи. – Зачем вы привели меня в этот темный подвал?

Один из учеников встал и включил свет.

Остальные задули свечи.

– Церковь? – повторила Мать Грейс, разглядывая обитые деревом стены, массивные потолочные балки. Было видно, что она изо всех сил пытается справиться с ситуацией, но пока без особого успеха.

И тут уже Барлоу ничем не мог ей помочь. Порой ей требовалось не меньше десяти минут, чтобы стряхнуть с себя то замешательство, в котором пребывало ее сознание после путешествия в мир духов.

Мать Грейс встала.

Вслед за ней поднялся и Барлоу.

– Мне нужно пописать. – Скривившись, она прижала руку к животу. – Есть где здесь пописать? Мне *очень* нужно.

Барлоу кивнул Эдне Ваноф, коренастой женщине небольшого росточка, которая тоже входила в число избранных учеников, и та повела Мать Грейс в туалет, расположенный в дальнем конце комнаты. Мать Грейс ступала неуверенно, опираясь на руку Эдны и ошеломленно поглядывая по сторонам.

– Боже! – раздался с другого конца комнаты ее громкий голос. – Я просто лопну, если не попаду сейчас в туалет.

Тяжко вздохнув, Барлоу опустился на свой неудобный стульчик.

Труднее всего ему да и другим ученикам было понять и принять причудливое поведение Матери Грейс после транса. В такие моменты она ничем не походила на духовного лидера – обычная старуха, лишенная даже зачатков величия. Пройдет каких-нибудь десять минут, и она вновь обретет ясный ум, станет той пронизательной, целеустремленной особой, которая отвратила его от греховной жизни. Тогда уже никто не сможет усомниться в ее силе, мудрости и духовной святости. Никто не рискнет оспорить подлинный характер ее великой миссии. Лишь эти тягостные минуты портили все дело. Каждый раз, наблюдая за этим жалким подобием его духовной наставницы, Барлоу мучился неопределенностью.

Он сомневался в ней.

И ненавидел себя за эти сомнения.

Похоже, Бог намеренно лишил Мать Грейс опоры в ее ясном разуме и железной воле, чтобы испытать на прочность ее приверженцев. Лишь тем, чья вера была непоколебима, суждено было остаться с ней до конца, создав по-настоящему сильную церковь. Барлоу знал это, но всякий раз, когда видел Мать Грейс в подобном состоянии, в душе его начиналось брожение.

Он взглянул на учеников, которые все так же сидели на полу. Все они выглядели встревоженными, все беззвучно молились. Должно быть, просили у Бога сил не сомневаться в их наставнице, как сомневался сейчас Барлоу. Он закрыл глаза и тоже начал молиться.

Скоро им потребуется вся их вера и решимость, ведь убить мальчишку будет не так-то просто. Мать Грейс однозначно дала понять, что они имеют дело не с обычным ребенком. Он наделен огромной силой, а потому, отважившись поднять на него руку, они рискуют собственной жизнью. И все же они должны сделать этот шаг – в интересах всего человечества.

Барлоу надеялся, что Мать Грейс позволит именно ему нанести смертельный удар, осуществить Божье возмездие. Ведь тот, кто убьет мальчишку (или погибнет в ходе этой отчаянной попытки), попадет прямо на небеса, где ему будет уготовано место у трона Господа. В этом Барлоу ни капельки не сомневался. Если он обратит свою физическую мощь и потаенную ярость на то, чтобы искоренить зло в облике ребенка, Всевышний простит ему грехи прошлого. Все те случаи, когда он по неведению карал невинных.

Примостившись на своем твердом дубовом стуле, Барлоу продолжал молиться, и чем дольше он молился, тем крепче сжимались его кулаки. Мышцы шеи напряглись, дрожь пробежала по телу. Ему не терпелось выполнить свою миссию.

11

Не прошло и двадцати минут, а Генри Рэнкин уже положил на стол Чарли Харрисону данные из отдела транспортных средств.

Худощавый и невысокий (примерно метр шестьдесят), Рэнкин двигался с грацией спортсмена. Кристина даже подумала, не был ли он раньше жокеем. Фигуру его облегал светло-серый костюм превосходного кроя. Дополняли наряд черные ботинки и белая рубашка с голубым галстуком. Из нагрудного кармана пиджака выглядывал аккуратно сложенный голубой платок. Повстречай Кристина Рэнкина на улице, ей бы и в голову не пришло, что перед ней частный детектив.

После того как их с Кристиной представили друг другу, Рэнкин вручил Чарли листок бумаги:

– Если верить Отделу транспортных средств, белый фургон принадлежит частной типографии, которая называется «Слово Истины».

Если уж на то пошло, Чарли Харрисон тоже не очень-то походил на сыщика. Сыщик, по мнению Кристины, должен был возвышаться над окружающими благодаря своему росту. Чарли был повыше Генри Рэнкина, но не больше метра восьмидесяти. Никаких тебе накачанных мускулов, которые придают человеку вид, будто он способен проломить кирпичную стену. Чарли выглядел энергичным и подтянутым, но никому бы и в голову не пришло, что в критической ситуации он будет прорубаться сквозь стену – кирпичную или любую другую. Когда речь заходила о частном детективе, воображение рисовало Кристине человека с поджатыми губами, недобрый огонек в глазах и манерой держаться, которая должна была внушать уважение и трепет. В облике Чарли не было ничего угрожающего. Он выглядел собранным наблюдателем, знающим свое дело, но никак не опасным. Привлекательное, хотя и не слишком запоминающееся лицо его обрамляла копна белокурых волос, аккуратно зачесанных назад. Но лучше всего были глаза: ясные, серо-зеленые, с прямым взглядом. Они смотрели на тебя с дружеской симпатией, без намека на безжалостность или жестокость.

Ни Чарли, ни Рэнкин не напоминали внешне Магнума, Сэма Спейда или Филипа Марлоу – и все же Кристина чувствовала, что обратилась по адресу. Чарли Харрисон был человеком дружелюбным, хладнокровным и прямолинейным. Двигался и держался он с той лаконичностью, которая выдавала в нем профессионала. Каждый его жест был точным и выверенным. Судя по всему, в его практике было не так уж много провальных дел. В присутствии Чарли Кристина ощущала себя в безопасности.

Мало кто производил на нее подобное впечатление. И прежде всего это касалось мужчин. В прошлом, когда Кристина пыталась положиться на представителей сильного пола, ей нередко приходилось пожалеть об этом. Но сердце подсказывало ей, что Чарли Харрисон не похож на большинство мужчин и она смело может довериться ему.

Чарли закончил изучать документ, который вручил ему Рэнкин.

– «Слово Истины»? Надо же! Есть у нас что-нибудь на них?

– Ничего.

Чарли взглянул на Кристину:

– Слышали про таких?

– Нет.

– Вы когда-нибудь печатали для своего магазина брошюры, рекламные листовки или что-то еще в этом роде?

– Само собой. Но мы обращались в другую типографию.

– Ладно, – вздохнул Чарли, – надо будет выяснить, кто владелец компании, и составить список его работников. Потом проверим всех до единого.

– Сделаем, – кивнул Генри Рэнкин.

Чарли снова повернулся к Кристине:

– Мисс Скавелло, не хотите рассказать обо всем своей матери?

– Только если в этом будет крайняя необходимость.

– Такая необходимость рано или поздно возникнет. Ну а пока... пока вы могли бы вернуться на работу. У нас уйдет пара часов на то, чтобы собрать нужную информацию.

– А как же Джоуи?

– Он пока побудет со мной. Хочу посмотреть, что случится, если вы уедете без мальчика. Тот парень в фургоне – он поедет за вами или останется ждать? Кто из вас для него важнее?

«Этот тип останется ждать, – мрачно подумала Кристина. – Джоуи – вот кого он намерен убить».

Шерри Одвей, секретарша в агентстве «Клемент – Харрисон», последний час мучилась вопросом, уж не совершили ли они с ее мужем, Тедом, серьезной ошибки. Шесть лет назад, спустя три года с начала семейной жизни, они решили, что дети им не нужны, и Тед сделал вазэктомию. Без такой обузы, как дети, они смогли позволить себе более комфортабельный дом, лучшую обстановку, да и машину подороже. Никто им не мешал устроиться вечером с книжкой или просто вдвоем, чтобы провести час-другой в собственное удовольствие. Большинство их друзей, обремененных семьями, не могли позволить себе такую роскошь. Всякий раз, сталкиваясь с каким-нибудь грубым и невоспитанным ребенком, Шерри и Тед мысленно поздравляли себя с принятым решением. Они наслаждались свободой, и Шерри никогда не сожалела о своем выборе. Вплоть до сегодняшнего дня. Отвечая на звонки и печатая письма, она украдкой наблюдала за Джоуи Скавелло. Не прошло и часа, а ей уже захотелось (чуть-чуть), чтобы это был ее ребенок.

Давно не встречала она такого славного малыша. Джоуи сидел в кресле, непомерно большим для его хрупкой фигурки. Когда к нему обращались, он отвечал, но сам не понимал Шерри вопросами, не требовал внимания. Он листал журналы, разглядывая картинки, и тихонько мурлыкал что-то себе под нос. Не ребенок, а загляденье.

Шерри уже готова была спросить, не хочет ли он еще одну ириску, как телефон у нее на столе зазвонил.

– «Клемент – Харрисон», – сказала она в трубку.

– Мне нужен Джоуи Скавелло, – раздался женский голос. – Это маленький мальчик, ему всего шесть. Такого трудно не заметить. Он само очарование.

Шерри замаялась. Ей показалось странным, что кто-то звонит мальчику.

– Это его бабушка, – добавила женщина. – Кристина сказала мне, что собирается взять его с собой в ваше агентство.

– Ах вот оно что. Да, они здесь. Миссис Скавелло как раз сейчас беседует с мистером Харрисоном, так что я не могу позвать ее к телефону...

– Вообще-то, я хотела побеседовать именно с Джоуи. Он тоже у мистера Харрисона?

– Нет, он тут, со мной.

– Не могли бы вы дать ему на минутку трубку? Если это, конечно, не затруднит вас.

– Разумеется. Подождите секунду. – Шерри повернулась к мальчику. – Джоуи, это тебя. Твоя бабушка.

– Бабушка? – Он взглянул на нее с нескрываемым удивлением.

Он подошел к столу, и Шерри вручила ему трубку. Мальчик поздоровался, но больше не промолвил ни слова. Маленькая ручка его так крепко сжала телефон, что даже костяшки пальцев побелели. Он слушал замерев, не двигаясь. Кровь отлила у него от лица, глаза наполнились слезами. Внезапно он со всего размаха бросил трубку.

– Джоуи! – подскочила Шерри. – Что случилось?

Губы у него дрожали, – казалось, он вот-вот расплачется.

– Джоуи?

– Это... это она.

– Твоя бабушка?

– Нет. В-ведьма.

– Ведьма?

– Она сказала... сказала, что вырежет у меня сердце.

Отправив мальчика и Кристину в свой кабинет, Чарли плотно прикрыл за ними дверь. Сам он остался в приемной, чтобы расспросить Шерри.

Та тоже едва не плакала.

– Зачем только я позвала его к телефону! Мне и в голову не могло прийти...

– Ты ни в чем не виновата, – сказал Генри Рэнкин.

– Конечно нет, – поддержал его Чарли.

– Кем надо быть, чтобы...

– Это мы как раз и пытаемся выяснить. Ты должна ответить на несколько вопросов.

Постарайся припомнить весь ваш разговор.

– Да мы и обменялись-то всего парой фраз.

– Она назвалась его бабушкой?

– Да.

– Она представилась как миссис Скавелло?

– Н-нет... своего имени она не назвала. Но ей было известно, что мальчик здесь вместе с матерью. Я бы никогда не заподозрила... понимаете, она производила впечатление именно бабушки.

– Как она разговаривала? – спросил Генри. – На что это было похоже?

– Даже не знаю... очень приятный голос.

– Она говорила с акцентом?

– Нет.

– Это могло быть не слишком очевидно, – вмешался Генри, – просто в наши дни каждый второй разговаривает с легким акцентом.

– Даже если это и так, я ничего не заметила, – пожала плечами Шерри.

– Какие-то шумы на заднем фоне? – спросил Чарли.

– Нет.

– Если она звонила, к примеру, с платного телефона, ты могла услышать разные уличные звуки – вроде шума машин.

– Ничего подобного.

– Какие-нибудь другие звуки, которые помогли бы нам понять, откуда она звонила?

– Нет, только ее голос, – вздохнула Шерри. – Такой приятный голос.

12

Вскоре после видения Мать Грейс отпустила всех учеников, кроме Кайла и Эдны Ваноф. Затем с телефона в подвале церкви она позвонила в то самое детективное агентство, куда отправились Кристина и Джоуи, и коротко переговорила с мальчиком. Хотя Кайл и сомневался в правильности такого шага, Мать Грейс выглядела на редкость довольной.

– Мало убить его, – объяснила она. – Прежде необходимо напугать и деморализовать мальчишку, ведь через него мы сможем устроить самого Сатану. Пусть дьявол окончательно поймет, что Всевышний не допустит его правления на земле. Тем самым мы нанесем сокрушительный удар по всем его планам и коварным замыслам.

Такие речи Кайл мог слушать часами. Мать Грейс принималась рассуждать о Боге и дьяволе, и он чувствовал, что ему отведена решающая роль в судьбах мира. От благоговения, сопряженного с такой немислимой ответственностью, у него подкашивались колени.

Грейс повела Кайла и Эдну в дальний конец подвала. Здесь, за панельной стеной, пряталась потайная дверца. За ней находился чуланчик, битком набитый оружием.

Еще в самом начале миссии у Матери Грейс было видение, в котором ее предупредили, что с приходом Сумерек ей и ее людям придется защищать себя не только с помощью молитвы. Стоит ли говорить, что она всерьез отнеслась к этому предупреждению. Комнатка в подвале была не единственным арсеналом их церкви.

Кайл не раз бывал здесь прежде. Ему нравилась царящая в комнате прохлада, еле уловимый запах оружейного масла. Ничто не доставляло ему такого удовольствия, как мысль о том, какая чудовищная сила дремлет на этих полках. Настоящий джинн из бутылки, который только и ждет, пока кто-то вытащит пробку.

Кайл любил оружие. С неизмеримым удовольствием крутил он в руках ружье или револьвер, угадывая сокрытую в нем мощь, как слепой угадывает смысл в строках Брайля.

В своих самых мрачных, самых глубоких сновидениях Кайл видел, будто держит в руках тяжелый револьвер. И не просто держит, а целится в людей. В его снах это неизменно был «магнум» с огромным, будто у пушки, дулом. А выстрел из него походил на рев дракон. Всякий раз, чувствуя в руках отдачу, Кайл испытывал ни с чем не сравнимую радость.

Поначалу его тревожили эти ночные видения. Ему они казались не чем иным, как происками дьявола. Позже он понял, что люди в его снах – враги Господа и не стоило горевать при виде их смерти. Кайлу суждено было стать орудием Божественного возмездия. Так сказала ему Грейс.

И вот теперь, на глазах у Кайла, Мать Грейс подошла к полкам по левую сторону от двери. Сняв с одной из них коробку, она достала оттуда револьвер в полиэтиленовой обертке и положила на стол. Для своих целей она выбрала «смит-и-вессон» с патронами тридцать восьмого калибра. Эта короткоствольная «игрушка» отличалась особой убойной силой. Потом она взяла с полки еще один револьвер и положила его рядом с первым.

Эдна Ваноф извлекла оружие из обертки.

Не пройдет и нескольких часов, как мальчишка отправится на тот свет. Возможно, с помощью одного из этих револьверов.

Мать Грейс сняла с полки дробовик «ремингтон» двадцатого калибра и аккуратно опустила его на стол.

Возбуждение Кайла нарастало с каждой секундой.

13

Устроившись на стуле за большим столом, Джоуи потягивал кока-колу, которую налил ему Чарли.

Кристина сидела напротив. Было видно, что звонок потряс ее до глубины души. По старой привычке она даже пыталась грызть ногти... пока не вспомнила, что они у нее накладные.

Чарли сам переживал из-за того, что старуха сумела достать их здесь, в его офисе. Кристина обратилась к нему за помощью в надежде обрести защиту. А тут вдруг новый удар.

Снова присев на краешек стола, Чарли обратился к Джоуи:

– Если ты откажешься говорить про звонок, я не буду настаивать. Но мне бы очень хотелось задать тебе парочку вопросов.

– Я думал, мы найдем Магнума. – Джоуи с укором взглянул на мать.

– Милый, ты забыл, что Магнум на Гавайях.

– Точно. Как-то я об этом не подумал. – Мальчик, похоже, слегка расстроился. – Лучше Магнума с этим делом никто не справится.

Пару секунд Чарли в недоумении смотрел на мальчика, но почти сразу вспомнил популярный телесериал и не сдержал улыбки.

Джоуи снова взялся за колу, внимательно изучая Чарли поверх стекла.

– Думаю, вы тоже подойдете, – вынес он наконец свой вердикт.

Чарли едва не рассмеялся:

– Обещаю, Джоуи, ты не пожалеешь, что обратился к нам. Так что все-таки сказала тебе та женщина?

– Она сказала: «Тебе от меня не спрятаться».

В голосе мальчика послышался страх, и Чарли поспешил заметить:

– Тут она ошибается. При необходимости мы можем спрятать тебя так хорошо, что ей тебя никогда не найти. Что еще она сказала?

– Сказала, что знает, кто я такой.

– Не догадываешься, что она имела в виду?

– Понятия не имею. – Мальчик озадаченно покачал головой.

– А что потом?

– Она сказала... что вырежет у меня сердце.

У Кристины вырвался приглушенный всхлип. Она встала, нервно сжимая сумочку:

– Думаю, мне стоит увести Джоуи... куда-нибудь подальше.

– Возможно, так мы и сделаем. – Чарли постарался остудить ее пыл. – Но не сейчас.

– Думаю, сейчас самое время. Пока... пока ничего не случилось. Мы могли бы уехать в Сан-Франциско. Или на Карибское море. Я там еще ни разу не была. Там как раз курортный сезон, верно?

– Дайте мне хотя бы двадцать четыре часа, – сказал Чарли.

– Вы серьезно? А если эта ведьма успеет добраться до нас? Нет, надо уезжать как можно скорей.

– И сколько времени вы намерены прятаться? – спросил Чарли. – Неделю? Месяц? Год?

– Двух недель будет достаточно. За это время вы сможете ее найти.

– Не факт.

– Тогда за сколько?

Чарли понимал, что делается сейчас в душе Кристины, но лгать ей он не мог.

– Очевидно, что ее цель – это Джоуи. Она просто помешана на нем. Если он вдруг исчезнет, она может затаиться. Исчезнуть из поля зрения. Только Джоуи способен выманить ее из

укрытия, побудить к действию. Без него эта игра не имеет смысла. Не хотите же вы уехать в отпуск навсегда?

– Вы что, собираетесь использовать моего сына как приманку?

– Не совсем. Это не тот случай, когда ловят на живца. Само его присутствие может привлечь эту каргу.

– Но это же возмутительно!

– Боюсь, другого выхода у нас нет. Без Джоуи она и носа не покажет. – Чарли подошел к Кристине и положил руку ей на плечо. – За мальчиком будут присматривать днем и ночью. Вам не стоит тревожиться о его безопасности.

– Еще как стоит.

– Клянусь вам...

– У вас уже есть номера того фургона.

– Не факт, что этого будет достаточно.

– И название типографии, которой принадлежит машина. «Слово Истины» – так ведь?

– Тоже не факт, что эта ниточка куда-то приведет. И тут нам сможет помочь только присутствие Джоуи. Именно он заставит эту женщину идти на риск.

– Похоже, рискуем здесь именно мы.

– Постарайтесь довериться мне, – мягко, но настойчиво сказал Чарли.

Взгляды их встретились.

– Сядьте. Успокойтесь. Дайте мне шанс во всем разобраться. Позже, если я замечу хотя бы малейший признак того, что мы не справляемся с ситуацией, я сам помогу вам уехать из города. Но только не сейчас.

Кристина взглянула на сына, который смотрел на них во все глаза. Внезапно осознав, что ее страх передается мальчику, она села и постаралась собраться с мыслями.

Чарли снова пристроился на краешке стола:

– Джоуи, не нужно бояться ведьмы. Можешь мне поверить, я в состоянии разобраться с любой ведьмой. Лучше скажи... вы разговаривали по телефону, и она... упомянула про сердце. А что потом?

Мальчик нахмурился, пытаясь вспомнить, что там было дальше.

– Еще она сказала, что хочет осадить меня.

– Может, осудить?

– Да, – кивнул мальчик. – Это, а еще что Бог не позволит мне спрятаться от нее. – Джоуи взглянул на мать: – Зачем Бог хочет отдать меня этой старой ведьме?

– Что ты, детка, Он совсем этого не хочет. Она врет. Она просто спятила. Бог тут совсем ни при чем.

– В каком-то смысле возможно, что и при чем, – нахмурился Чарли. – Когда Генри сказал, что фургон находится в собственности типографии, я сразу подумал, уж не религиозная ли это типография. «Слово Истины» – оно же священное слово. Библия. Не исключено, что мы имеем дело с религиозным фанатиком.

– Или двумя. – Кристина бросила взгляд в сторону окна, припомнив, должно быть, мужчину у фургона.

«Или с целой толпой фанатиков», – с тревогой подумал Чарли.

За пару минувших десятилетий, когда стало модным низвергать все авторитеты и общественные учреждения (как будто в существовании их уже не было никакой надобности), пышным цветом расцвели всевозможные религиозные культы – явная попытка заполнить образовавшуюся пустоту. Некоторые из них были полноценными отростками официальной религии, чьи базовые ценности они продолжали проповедовать. Но наряду с ними возникли и организации другого рода – культы, созданные ради блага их основателей. Ради их материального обогащения или насаждения их собственных взглядов – евангелий ненависти, безумия и нетер-

пимости. В отличие от других штатов в Калифорнии спокойней относились к разного рода нетипичным и даже противоречивым взглядам. Неудивительно, что именно здесь нашли прибежище многие культы, как хорошие, так и плохие. Очень может быть, что представители одного из таких культов озаботились поиском будущей жертвы или козла отпущения и выбор их по какой-то загадочной причине пал на ни в чем не повинного шестилетнего ребенка. Безумие чистой воды, но кого удивишь этим в наши дни?

Оставалось надеяться, что не этим объяснялись неприятности семьи Скавелло. Чарли знал, нет ничего труднее, чем остановить зарвавшегося религиозного фанатика.

Чарли снова повернулся к мальчику, и в этот момент случилось нечто странное. Даже пугающее.

На мгновение нежная кожа ребенка стала полупрозрачной, а затем и вовсе прозрачной. И под ней зримо проступил череп. Чарли отчетливо увидел темные пустые глазницы. Окостеневшую улыбку. Зияющий провал на месте носа. Лицо Джоуи никуда не исчезло. Оно лишь уподобилось еле различимой фотографии, которую наложили на эту мрачную форму.

Предвестие смерти.

Чарли встал, пытаясь стряхнуть с себя наваждение.

Причудливое видение пропало так же быстро, как и возникло. Секунда, и все снова вернулось к норме.

«Воображение. Это все мое воображение», – сказал себе Чарли, хотя ничего подобного с ним раньше не случилось.

Страх ледяной змеей закопошился в животе.

Воображение, но никак не видение. Видения – это выдумки чистой воды. Чарли не верил ни в сверхъестественное, ни в психические феномены, ни в прочую дребедень. Как человек здравомыслящий, он полагался исключительно на факты и знания.

Желая замаскировать страх и удивление, а заодно и вытряхнуть из головы неприглядный образ, он поспешно сказал:

– Ну что ж, Кристина, вы можете ехать на работу. Постарайтесь по мере сил следовать обычному распорядку. Ведите себя так, будто ничего не случилось, хоть это и будет нелегко. Вы не можете отложить на потом ни свою жизнь, ни свое будущее. Генри Рэнкин поедет с вами. Я его уже предупредил.

– Хотите сказать... он будет играть роль моего телохранителя?

– Я знаю, он не производит впечатления дуболома. Зато он мастер боевых искусств и хорошо владеет оружием. Генри – один из немногих, кому я мог бы доверить свою жизнь.

– Я не сомневаюсь в его компетентности. Просто мне, если уж на то пошло, не нужен телохранитель. Старуха охотится за Джоуи, а не за мной.

– Добраться до вас – значит нанести удар и по нему, – покачал головой Чарли. – Генри едет с вами.

– А как же я? – спросил Джоуи. – Я иду сегодня на занятия?

– Сегодня никаких занятий, – сказал Чарли. – Побудешь пока со мной.

– Правда? Я буду помогать тебе в расследованиях?

– Само собой, – улыбнулся Чарли. – Мне не помешает смысленный молодой помощник.

– Ма, ты слышала? Я буду как Магnum!

Кристина с трудом выдавила улыбку. Хоть она и была фальшивой, лицо ее в этот момент стало еще прекраснее. Чарли ужасно хотелось посмотреть, как преобразит ее настоящая, теплая улыбка.

На прощание Кристина поцеловала сына. Было видно, до чего ей тяжело оставлять его в такой момент.

Чарли пошел с ней к дверям, а Джоуи опять принялся за кока-колу.

– Мне снова приехать к вам после работы? – спросила Кристина.

- Нет. Мы привезем мальчика в магазин... скажем, часов в пять. Как вам это?
- Замечательно. К этому времени я уже освобожусь.
- Потом вы с Джоуи пойдете домой вместе с телохранителями. Они останутся с вами на ночь. Двое в доме и еще один на улице. Пусть отслеживают чужаков и подозрительных лиц. Чарли распахнул дверь в приемную, но Джоуи неожиданно выскочил из-за стола.
- А как насчет собаки? – спросил он у матери.
- Детка, мы займемся этим завтра.
- Мальчик замер. Во взгляде его вновь проступила тревога.
- Сегодня, – сказал он. – Ты же обещала. Мы собирались взять нового пса сегодня.
- Детка...
- Я должен получить собаку сегодня, до наступления темноты, – жалобно сказал мальчик. – Пожалуйста, мам, пожалуйста.
- Я мог бы съездить с ним за собакой, – предложил Чарли.
- У вас и без того работы хватает.
- Да бросьте. Я же не собираюсь вести слежку в одиночку. Этим займутся другие. Моя задача на данный момент – присматривать за Джоуи. И если сюда входит покупка собаки, значит мы ее купим. Вы уже наметили, где это сделать? Зоомагазин, питомник?
- Брэнди мы взяли в приюте, – сообщил Джоуи. – Спасли его от неминуемой смерти.
- В самом деле? – улыбнулся Чарли.
- Да. Его собирались усыпить. Только это был не обычный сон... вроде как сон, но много хуже.
- Что ж, мы можем съездить в приют, – предложил Чарли Кристине.
- Спасем еще одну собаку! – с энтузиазмом закивал Джоуи.
- Ну, если вас это не затруднит, – сказала Кристина.
- Мне только в удовольствие, – улыбнулся Чарли.
- Она взглянула на него с искренней признательностью, и Чарли в ответ слегка подмигнул. Кристина тоже улыбнулась – на этот раз почти что настоящей улыбкой.
- Ему ужасно хотелось поцеловать ее, но он сдержался.
- Только не берите немецкую овчарку, – попросила Кристина. – Я их побаиваюсь. И не боксера.
- Как насчет датского дога? – не удержался Чарли. – Или сенбернара? Доберман тоже неплох.
- Точно! – воскликнул Джоуи. – Пусть будет доберман.
- Хотя нет. Давайте возьмем злобную восточноевропейскую овчарку с длинными клыками.
- Вы неисправимы. – Кристина снова не удержалась от улыбки, и на этот раз она улыбнулась от души.
- Не волнуйтесь, – сказал Чарли. – Мы найдем вам хорошую собаку.
- Пожалуй, я буду звать его Плутоном, – задумчиво произнес Джоуи.
- С какой это стати ты решил звать меня Плутоном? – поинтересовался Чарли.
- Не тебя, – захихикал мальчик. – Нового пса.
- Плутоном, – повторил Чарли. – Что ж, звучит неплохо.
- На мгновение, на одно только прекрасное мгновение показалось, что с миром все в порядке и смерть – это чьи-то выдумки. А еще Чарли впервые почувствовал, что все они встретились не случайно, как будто их свела судьба, и что будущее их не ограничено одними только профессиональными отношениями, связкой «сыщик – клиент». Это было на редкость приятное чувство. Жаль только, что исчезло оно так же быстро, как и возникло.

14

На столе в оружейной лежали два револьвера и два дробовика. Все они были заряжены. Рядом выстроились коробки с запасными патронами.

Эдну Ваноф Мать Грейс отправила с очередным поручением. Теперь вместе с ней оставался только Кайл.

– Я возглавлю атаку, – сказал он, беря в руки дробовик.

– Нет, – покачала головой Грейс.

– Нет? Но вы же сами сказали, что мне будет позволено...

– Не так-то просто убить этого мальчишку.

– То есть?

– В нем не так уж много от человека. В его жилах течет кровь демона.

– Я не боюсь его, – заявил Кайл.

– А стоило бы. Сила его велика и возрастает с каждым днем.

– Я уповаю на поддержку Всемогущего Господа.

– Тем не менее первая атака почти наверняка обречена на провал.

– Я готов умереть, – сказал Кайл.

– Я в этом не сомневаюсь. Но мне нельзя рисковать тобой в самом начале битвы. Для этого ты слишком ценен. Ты – моя связь между этим миром и царством духов.

– Но я еще и молот Бога, – не сдавался Кайл.

– И я ценю твою силу.

Забрав у него дробовик, Мать Грейс вернула оружие на стол.

Кайл чувствовал, как вся его мощь рвется наружу. Ему не терпелось кого-нибудь сокрушить – разумеется, во имя Господа. Прошли те дни, когда он сметал со своего пути и правых, и виноватых, наслаждаясь самим процессом разрушения. Но сила его никуда не исчезла, и он жаждал стать солдатом Господа.

Весь день он жил в предвкушении скорой атаки, и теперь напряжение его достигло предела.

– Я – молот Бога, – напомнил ей Кайл.

– В свое время ты будешь использован, – заверила его Мать Грейс.

– Когда же?

– Когда появится реальный шанс уничтожить мальчишку.

– Но если сегодня такого шанса нет, зачем вообще связываться с этим ублюдком? Не лучше ли просто выждать?

– Если повезет, мы сможем ранить его, пролить его кровь, – пояснила Мать Грейс. – Это пробьет брешь в его самомнении. Пока что отродье дьявола упивается мыслями о своей неуязвимости. Поверив в обратное, он станет более уязвим. Необходимо подорвать его уверенность в себе. Понимаешь, о чем я?

Кайл нехотя кивнул.

– А если нам очень повезет, – продолжала Грейс, – если дьявол отвлечется, а Господь будет с нами, мы сможем убить его мать. Тогда мальчишка останется один. Пса мы уже убили. Если убрать еще и мать, он окончательно лишится поддержки, и это сделает его крайне уязвимым.

– Так позвольте мне убить мать, – умоляюще произнес Кайл.

Она улыбнулась ему, как улыбаются непослушному ребенку:

– Когда Господь пожелает сделать тебя Своим молотом, я дам тебе знать. А пока наберись терпения.

Чарли стоял у окна. В руках он держал бинокль высокого разрешения, который по совместительству был еще и фотоаппаратом. Чарли пристально разглядывал мужчину, коротавшего время у белого фургона.

Незнакомец был высокого роста, худым и бледным, с узким носом и плотно поджатыми губами. Черные густые брови его практически срослись на переносице. С лица не сходило напряженное выражение, а руки постоянно находились в движении. Одна теребила воротничок рубашки, вторая приглаживала волосы, а затем начала пощипывать мочку уха. Почесала подбородок. Смахнула с куртки пылинку. Снова пригладила волосы. У парня не было ни малейшего шанса сойти за простого рабочего, который пристроился на тихой улочке, чтобы перекусить.

Чарли сделал несколько фотографий незнакомца. Когда Кристина Скавелло и Генри отъехали от дома на сером «файерберде», наблюдатель едва не вскочил в фургон, чтобы броситься за ними. В последний момент он оглянулся, пожал плечами и все-таки остался на прежнем месте.

Джоуи пристроился рядом с Чарли. Его роста как раз хватало на то, чтобы без усилий выглядывать из окна.

– Этот парень внизу – он ждет меня, верно?

– Похоже на то.

– Почему бы нам не выйти и не пристрелить его? – спросил мальчик.

– Никому не позволено безнаказанно стрелять в людей, – рассмеялся Чарли. – Во всяком случае, у нас, в Калифорнии. Вот если бы это был Нью-Йорк...

– Но ты же частный сыщик. Разве у тебя нет лицензии на убийство?

– Это уже Джеймс Бонд.

– Ты и его знаешь? – спросил Джоуи.

– Не то чтобы очень. Но я знаком с его братом.

– Даже не знал, что у него есть брат. Как его зовут?

– Муниципал Бонд², – ответил Чарли.

– Странное имечко. – Джоуи явно не уловил шутки.

Мальчику всего шесть, напомнил себе Чарли. Просто порой Джоуи вел себя так, будто был несколькими годами старше.

Мальчик снова выглянул из окна. Выждав, пока Чарли сделает парочку последних снимков, он сказал:

– И все-таки я не понимаю, почему мы не можем убить его. Он бы пристрелил меня при первой же возможности.

– Не думаю, что он осмелился бы на это, – заметил Чарли.

Не хватало еще, чтобы Джоуи напугал себя сам.

Но с невозмутимостью и хладнокровием, которые не соответствовали его возрасту, Джоуи заявил:

– Еще как осмелился бы, если бы только знал, что это сойдет ему с рук. Он застрелил бы меня и вырезал мое сердце – вот что бы он сделал.

Пятью этажами ниже наблюдатель пригладил волосы своей узкой ладонью с длинными пальцами.

² *Municipal bond* – муниципальная облигация.

Часть вторая Нападение

*Уж не конец ли всему наступает?
Уж не дьявол ли там тихонечко напевает?
Уж не судный ли день колокольный звон
возвещает?
Уж не дьявол ли там торжественно распевает?*

*Или же темные страхи их – только морок,
И в головах у пророчащих гибель много сора?*

*Кто всюду провидит стенания, адский плач,
Тот сам себе худший враг и палач.*

Книга сочтенных печалей

*Фанатик делает то, что, по его мнению, сделал бы Господь, зная
Он все обстоятельства дела.*

Финли Питер Дани

15

«Обед гурмана» был расположен в фешенебельном торговом центре, строители которого искусно сочетали дерево и кирпич. Находился он всего в полуквартале от Ньюпорт-Бич с его яхт-клубом. Даже в понедельник Вэл и Кристина не могли пожаловаться на отсутствие покупателей. Народ толпился в отделе продуктов и в отделе вин. Кухонные приборы тоже пользовались спросом. Несколько человек бродили у полок, изучая кастрюли и сковородки, кухонные комбайны, импортные мороженицы и прочие приспособления, призванные облегчить жизнь любителям вкусно поесть. В течение дня, кроме изрядного количества вин, продуктов и небольших кулинарных приборов, Кристина, Вэл и их продавщица Тэмми сумели реализовать две лапшерезки экстра-класса, дорогой набор столовой посуды, отделанную медью кофемашину, стоимость которой составляла около девятисот долларов, и ланч-боксы с подогревом.

Несмотря на то что магазин не пустовал ни дня с момента открытия и стал приносить солидный доход уже на третью неделю работы (беспрецедентный случай для нового дела), Кристина до сих пор не могла нарадоваться на регулярные звоночки кассового аппарата. Она так и не научилась принимать успех как должное, хотя магазин процветал уже шесть с половиной лет.

Несколько часов в этой суете промелькнули почти незаметно. Казалось, только что она оставила Джоуи у Чарли Харрисона, и вот уже вечер. Ее по-прежнему донимали мысли о чокнутой старухе, но теперь они шли фоном, не вызывая паники. Несколько раз перед ее глазами всплывал образ обезглавленного пса, и тогда во рту у нее становилось сухо, а ноги предательски слабели. И все это время рядом был Генри Рэнкин. Он помогал заворачивать покупки, развешивал ценники на новые товары, изображал из себя заправского продавца, а сам неустанно наблюдал за покупателями, чтобы перейти в случае необходимости к активным действиям. Несмотря на то что присутствие Генри напоминало ей об опасности, Кристина сама не заметила, как на смену дню пришел вечер.

Не подвела и Вэл Гарднер. Кристина не без опаски рассказала ей про старуху. Она боялась, что Вэл начнет донимать ее вопросами, не давая покоя ни на минуту. Вэл обожала переживания. Даже такие мелочи, как текущий душ или порванный чулок, грозили нанести ей «душевную травму». А уж простуду или сломанный ноготь она и вовсе стремилась возвести в ранг трагедии. На самом деле ее мало задевали все эти выкрутасы судьбы, просто Вэл нравилось быть героиней своей собственной мелодрамы – ведь благодаря ей жизнь начинала играть новыми красками. Если судьба отказывалась подбросить ей топливо для переживаний, Вэл тут же хваталась за проблемы друзей, как пресловутый Атлант, который держал на себе весь мир. Но Вэл всегда действовала из лучших побуждений. Она была честной, работающей, с хорошим чувством юмора. И вот теперь, к удивлению Кристины, она нашла в себе достаточно такта, чтобы не мучить подругу вопросами насчет безумной старухи и ее угроз, хотя в душе наверняка сгорала от любопытства.

Чарли Харрисон, как и обещал, приехал в пять вместе с Джоуи и двумя парнями, которым явно стоило попробоваться на роль Геркулеса. Этим двоим предстояло охранять Кристину и Джоуи до полуночи, пока их не сменит другая пара.

Первого звали Пит Локберн. Высокий и белокурый, с серьезным выражением лица и острым взглядом, он постоянно притягивал к себе взоры окружающих. Со стороны казалось, будто он подложил в пиджак шпалу, чтобы расширить плечи, хотя на самом деле ничего подобного ему не требовалось.

Второй, Фрэнк Ройтер, размерами не уступал Локберну. Этот был чернокожим, с правильными чертами лица и самыми большими ручищами, какие Кристине только доводилось

видеть. Оба были одеты в строгие костюмы с галстуками. Оба изъяснялись вежливо и любезно, но никому бы и в голову не пришло принять их за топ-менеджеров или протестантских священников. Казалось, будто эти двое вступают в схватку с медведями и с корнем вырывают дубы, лишь бы держать себя в хорошей форме.

Вэл замерла, в изумлении разглядывая эту парочку. На лице ее проступило выражение тревоги.

– Крис, детка, – повернулась она к Кристине, – до меня только-только начинает доходить. Эта твоя армия телохранителей... неужели все так серьезно?

– Очень серьезно, – кивнула Кристина.

Для своей миссии Грейс Спайви выбрала двоих – Пэта О'Хару и Кевина Баумберга. О'Хара, полноватый двадцатичетырехлетний ирландец, перешел в церковь Сумерек из католицизма. Баумберг, невысокий коренастый мужчина с окладистой черной бородой, оставил позади иудаизм – не говоря уже про семью и процветающий ювелирный магазин, – чтобы помочь Матери Грейс подготовить мир к Сумеркам, к приходу Антихриста. Она остановила свой выбор на этих двоих, так как они символизировали нечто очень важное: универсальную притягательность ее послания и братство всех благомыслящих людей на планете. А это и было той единственной силой, которая могла задержать, а то и вовсе предотвратить конец света.

В начале шестого О'Хара и Баумберг вышли из подвала церкви с мешками для грязного белья. Поднявшись по бетонным ступенькам, они оказались на заасфальтированной парковке.

Ранний зимний вечер, накрывающий мир армадой туч, вытеснил свет на запад, на краешек горизонта. С моря поднялись дождевые облака, насытив воздух сырой прохладой.

О'Хара и Баумберг уложили мешки в багажник белого седана, который находился в собственности церкви. В мешках лежали два ружья, два револьвера и патроны, получившие благословение Матери Грейс.

В молчании, с чувством тревоги в душе и гнетущими мыслями о смерти мужчины уселись в машину и так же молча выехали на улицу под порывы февральского ветра, разметавшего по канавам сухие листья.

16

Пока Тэмми обслуживала последних покупателей, Чарли повернулся к Кристине:

– Все в порядке? Или были какие-то проблемы?

– Нет, все прошло как обычно.

– Что там со «Словом Истины»? – спросил Генри Рэнкин. – Что удалось накопать?

– Слишком долго рассказывать, – ответил Чарли. – Я хочу отвезти Кристину и Джоуи домой, убедиться, что они в полной безопасности. Но я подогнал сюда твою машину. На переднем сиденье папка – в ней все необходимые документы. Прочитаешь их потом, чтобы быть в курсе дела.

– Я еще нужен сегодня? – поинтересовался Генри.

– Нет, – качнул головой Чарли.

Джоуи потянул Кристину за руку:

– Мам, идем со мной! Идем к машине. Я покажу тебе что-то суперское!

– Сейчас, детка, буквально через минуту.

Хотя Локберн и Ройтер воплощали, по крайней мере физически, мечту большинства женщин, Вэл Гарднер не удостоила их повторным взглядом. Она с ходу нацелилась на Чарли. Дождавшись, когда он закончит разговаривать с Генри Рэнкиным, она включила свое обаяние на полную мощность.

– Всегда мечтала познакомиться с детективом, – заявила она с ослепительной улыбкой. – Представляю, какая захватывающая у вас жизнь!

– На самом деле работа сыщика не такая уж и увлекательная. В основном слезка и расследования. Скучнее не придумаешь.

– Но время от времени... – лукаво улыбнулась Вэл.

– Да, время от времени мы живем с огоньком.

– Наверняка это те моменты, ради которых вы и стали детективом, – просияла Вэл.

– Да как сказать. Никому не захочется получить пулю в лоб в ходе какого-нибудь скандального развода.

– Ну-ну, не надо скромничать. – Вэл снова включила улыбку на полную мощность.

Уж кто-кто, а Вэл знала, как очаровать мужчин. Благодаря роскошной фигуре, большим зеленым глазам и рыжевато-каштановым волосам Вэл смотрелась на редкость эффектно. Кристина всегда завидовала ее яркому облику. Кристине случалось слышать от мужчин комплименты в адрес своей внешности, но она не очень-то им верила. Да и как поверишь, если собственная мать все годы детства называла ее некрасивой? Кристина знала, насколько завышенными и нереальными были требования Эвелин, да и суждения ее не отличались объективностью. И все же Кристина по-прежнему считала себя умеренно привлекательной, более подходящей на роль монашки, чем сирены. Порой, когда Вэл решала принарядиться и покетничать, Кристина чувствовала себя рядом с ней неуклюжим подростком.

– Готова спорить, вы из той породы мужчин, которым жизнь без риска кажется слишком пресной. – Вэл продолжала гипнотизировать Чарли. – Опасность добавляет вашей жизни перчинку.

– Боюсь, вы меня романтизируете, – сказал Чарли, однако было видно, что ему приятно внимание Вэл.

– Мам, идем же, – не отставал Джоуи. – Идем к машине. Мы взяли собаку. Такой классный пес! Только посмотри на него.

– Где вы его взяли, в приюте? – Кристина взглянула на Чарли.

– Да, – кивнул тот. – Лично мне понравился огромный мастиф по кличке Убийца, но Джоуи и слушать меня не захотел.

Кристина рассмеялась.

– Идем же, ма, – сказал Джоуи. – Пожалуйста!

Взяв Кристину за руку, он потянул ее за собой к выходу.

– Как ты, сможешь закрыть магазин одна? – Кристина повернулась к Вэл.

– Я не одна, со мной Тэмми. Поезжай домой и ни о чем не беспокойся.

Вэл стрельнула взглядом в Чарли, явно сожалея, что ей приходится прервать свою игру, затем снова обратилась к Кристине:

– Если не захочешь завтра приезжать, можешь позволить себе выходной. Мы тут справимся.

– Я приеду, – покачала головой Кристина. – За работой и время проходит быстрее. Я бы точно сошла с ума, если бы не крутилась тут весь день.

– Приятно было познакомиться. – Чарли кивнул на прощание Вэл.

Пит Локберн и Фрэнк Ройтер первыми вышли из магазина, обшаривая взглядами бульвар и парковку. Кристина чувствовала себя неловко в их присутствии. Не такая уж она важная персона, чтобы разгуливать с телохранителями. Ей казалось, со стороны она производит впечатление человека, который решил придать себе веса в глазах окружающих.

На улице уже стемнело. Небо, черное на востоке, над головой было густо-синим. И лишь на западе, за массой океанской воды, пламенел оранжево-багровый закат, на который стремительно напозлали грозовые тучи. Хотя день выдался теплым для февраля, в воздухе уже ощущалась ночная стылость. Зима в Калифорнии была щедра на теплые дни, но ее великодушия не хватало на ночное время.

Рядом с «понтаком» Кристины был припаркован темно-зеленый «шевроле» – собственность компании «Клемент – Харрисон». Пес, устроившийся на заднем сиденье, выглядывал из окошка. При взгляде на собаку у Кристины перехватило дыхание.

Это был Брэнди. На секунду она замерла на месте, не в силах поверить собственным глазам. Затем ее осенило: конечно, это не Брэнди. Просто еще один золотистый ретривер, практически того же размера, возраста и окраса, что и погибший пес.

Джоуи подбежал к машине и распахнул дверцу. Пес выскочил наружу и энергично гавкнул. Затем, обнюхав ноги мальчика, взгромоздил передние лапы ему на плечи.

Джоуи, рассмеявшись, взъерошил собачью шерсть:

– Ну разве он не красавец, ма? Только посмотри!

Кристина взглянула на Чарли, на лице которого тоже сияла широченная улыбка.

– А вам не кажется, что стоило бы присмотреть собаку другой породы? – спросила она тихо, но с явным раздражением.

Чарли, похоже, ошарашил ее тон.

– Хотите сказать, этот слишком большой? Если верить Джоуи, он примерно того же размера, что и собака, которую... которую вы потеряли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.